

ПИСЬМА
В. Ф. ХОДАСЕВИЧА
Б. А. САДОВСКОМУ

ПИСЬМА
В. А. ХОДАСЕВИЧА
Б. А. САДОВСКОМУ

А РДИС

*Copyright © 1983 by Ardis Publishers
All rights reserved
Printed in the United States of America
No part of this publication maybe
reproduced, stored in a retrieval system
or transmitted in any form or by any means,
electronic, mechanical, photocopying, recording,
or otherwise, without the prior permission
of the publisher.*

*Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104*

Послесловие, составление и подготовка текста И. Андреевой

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Khodasevich, V. F. (Vladislav Felitsianovich),
1886-1939.

Pis'ma V. F. Khodasevich B. A. Sadovskomu.

Includes bibliographical references.

1. Khodasevich, V. F. (Vladislav Felitsianovich),
1886-1939—Correspondence. 2. Poets, Russian—
20th century—Correspondence. 3. Sadovskoi, Boris
1881-1952. I. Sadovskoi, Boris, 1881-1952.

II. Andreeva, I. III. Title.

PG3476.K488Z494 1983 891.71'3 [B] 82-24454
ISBN 0-88233-714-9

Печатается без ведома автора.

Магда Нахман – Юлии Оболенской:

"Сейчас читаю 2-ую часть Вильгельма Мейстера и думаю о том, и в романе и в его времени на очень высокой ступени взаимное человеческое общение. Т.е. дружба, знакомство всегда построены на самом значительном в человеке, на самых высоких сторонах ума и души, так что жизнь держится на высокой ступени напряжения сознательной волей и этим облагораживается весь человек и выявляется подлинная жизненная, необходимая сущность человека; все это создано сознательно, и это прекрасно, т.к. является подлинным творчеством жизни, углублением ее, расширением. Не знаю, понятно ли я говорю. Вспоминается почему-то отношение Владислава к тебе. Думаю, что ты коснулась с высоты такой же высокой точки в нем, которая для тебя достижима – и только она достижима. / . . / Помню отзывы о нем Мариньи, Грифцова. Это был для них человек холодный, чопорный, равнодушный насмешник, мелкоозлобленный, с печатью беззаберной молодости, с пристрастием к ссорам и тяжбам. И вот опять он: искренний, с призванием к подлинной дружбе, умеющий хорошо возмутиться, постоять за других."

19⁶ 19
VII

**ПИСЬМА В. Ф. ХОДАСЕВИЧА
Б. А. САДОВСКОМУ**

(1906, 1912-1920)

/На бланке журнала "Золотое руно"/

23.II.1906 г.

Милостивый Государь Борис Александрович!

Сергей Алексеевич¹ просит Вас доставить ему возможно скорее рецензию о книге Кони.

В. Ходасевич

Знаменка, 15, кв. 19
6/XII 912

Многоуважаемый Борис Александрович.

Очень признателен Вам за внимание. Буду, конечно, участвовать в "Русской молве"¹ с удовольствием. Только я не совсем понимаю, что значит "Московская лит./ературная/ хроника". Входят ли сюда "вторники" в Кружке,² "Эстетика"³ и т.д. Впрочем, первые же №№ газеты, вероятно, мне это разъяснят. Нельзя ли, чтобы мне присыпалось "Рус. молва"?

Бегать по газетчикам скучно, а за газетой в кот./орой/ пишешь, надо следить. Когда выйдет 1 №? Ведь, то, что случилось две недели назад, для газеты уже старо.

Пишу я сейчас нечто, подходящее ко времени святочному. Закончив, пришло Вам. Пока же, изнывая под бременем перевода, который дня через три кончу, шлю стихи.⁴ Этого добра у Вас много? Ну, что делать. Стихи сейчас единственное мое достояние. Есть проза, да не для Вас: дрянь.

Если увидите Одинокого,⁵ то скажите, что я очень благодарен за книгу и за добрую на ней надпись. Но дело еще не в этом. Я дал в "Утро России" о ней рецензию⁶ строк в 80. Из нее сделали 23 строки, зачеркнув все мои похвалы, послужной список Одинокого и заключительные приветствия. За то кое-что они прибавили от себя. В результате — я объявил этим ослам, что нога моя не будет в ихней газете, но перед Одиноким мне все-таки стыдно. Скажите ему все это, и пусть он мне напишет, сообщив свой адрес. Он мне милее многих.

Борис Александрович! Не знаю, как начать! Но Вы сами знаете, как окрыляет перо и душу аванс! Деньги же нужны до зарезу. "Нутром хочется". Вот Вам цитата и буквальная истина вместе. Пятьдесят рублей

сделали бы меня рабом Вашим во все дни. Строками же я Вас засыплю:
возвращать будете и пощады запросите.

Ответьте о хронике, о пределах моей компетенции в сем отделе,
о том, проклял ли меня Одинокий, если видел рецензию, и об авансе,
вещи принятой в литературе вообще, а в газетах – в особенности.

Пока жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам
Владислав Ходасевич.

P.S. Чады и домочадцы целом бывают: знают обхождение с редакторами.
Это вздор. Просто шлю привет.⁷

Нюра

3

Многоуважаемый Борис Александрович.

Большое спасибо Вам за скорое напечатание стихов, за рекомендацию меня Чацкиной¹ (ей пишу) и вообще за память. Рассказ Вам не пришло сейчас, ибо он не кончен, и значит – поздно.

Вот Вам сплетни и отчет о Северянине в Эстетике.² Дурылин меня от Вашего имени "стрекал". Буду стараться: только печатайте!

В Москве скуча и "никаких делов". Кончится тем, что осенью выпущу книгу стихов и перееду в Петербург, хоть я его и не люблю.

Ну, будьте здоровы. Жму руку.

Ваш Влад. Ходасевич

P.S. А почем мне платят? Одинокий меня убил: пишет что ему за стихи дают по рублю.

/На обороте письма пометка карандашом, дрожащим почерком Б. Садовского – 21 дек. 1912/.

4

Многоуважаемый Борис Александрович.

Я хочу попросить у Вас дружеского совета: как поступить в нижеследующих обстоятельствах.

Есть у меня два рассказа, из которых, сколько ни переделывай, ничего путного не выйдет. Напечатать их мне не стыдно, но посыпать в приличные места стыдно. Между тем, "Голос Москвы"¹ предлагает мне за них хорошие деньги (вернее – за один из них). Так вот: если

однажды напечататься там под своим именем (они этого требуют) — то не выйдет ли истории вообще и с "Русской молвой" в частности? Вы понимаете, что скандалиться я не хочу и за деньги.

Вы печатались в Голосе Москвы в гораздо более "роковые минуты" мира,² но это было давно. С другой стороны, газетка полевела. Но кадеты, которые, Вы сами знаете, ничем не хуже октябрьстов, — владеют всеми газетами и журналами, а я боюсь, напечатавшись один раз в "Г.М.", навсегда или надолго вылететь отовсюду, и в том числе из "Р. Молвы", которой дорожу, т.к. в ней приходится иметь дело с Вами, а не с газетчиками.

Пожалуйста, ответьте, что думаете обо всем этом. Уж очень меня запугал Витольд.³

И еще дело. Предстоят две-три театральных постановки, о которых стоило бы написать (пьеса Толстого и еще кое-что). Пригодится ли это "Молве" и нельзя ли прислать мне корреспондентский билет, ибоходить в театр за деньги не в моих принципах? Есть у меня билет из "Аполлона" (старый), да в театрах мало чтут толстые журналы. Кроме того, неудобно пользоваться билетом Аполлона, а писать для Вас.

Скорым ответом на все сие весьма обяжете преданного Вам и поздравляющего с наступающим праздником

Владислава Ходасевича

23 дек. 912

P.S. Относительно "Голоса М". Ответ Ваш будет для меня законом, но самый вопрос мой обязательно сохраните в тайне.

5

27 дек. 912

Многоуважаемый Борис Александрович.

22 числа Вы мне писали, что я, вероятно, уже получил деньги. Но я их не получал до сих пор. Очевидно, вышла какая-нибудь путаница; поэтому у меня к Вам большая просьба: скажите, чтобы мне выслали их поскорее (хотелось бы получить к 31 числу: я без денег) и похлопочите о следующем: нельзя ли кстати заплатить мне и за то, что было напечатано в Рождеств. номере? Итого, за 2 стих. и 2 заметки мне причитается по сообщенной Вами расценке приблизительно /слово "приблизительно" вставлено сверху строки/ 31 рубль. Это не так много, чтобы нельзя было заплатить вне установленных сроков. (Вероятно, в "Р.М." платят 5-го и 20-го?). Тем более, что из этих 31 рубля рублей 12 должны были быть высланы раньше.

Простите, что затрудняю Вас, но уж очень нужны деньги.

Получили ли Вы письмо мое относительно Голоса Москвы? Я послал его на прежний Ваш адрес и весьма интересуюсь ответом.

Что значит подгонять заметки к субботам? Чтобы высыпать их к субб. — или же чтобы их по субботам печатать? Последнее неудобно, ибо эстетика (вещь важная!) бывает по четвергам. В пятницу я могу писать, и Вы получите материал только в субботу. Разъясните.

Ответьте также о театре. Тут предстоит кое-что небывалое. Писать ли? Входит ли сие в "Литер. хронику", Вами мне врученную. Простите, если что в этом письме бесполково: спешу отправить его, чтобы завтра оно могло дойти к Вам. Жму руку.

Ваш Влад Ходас

Если деньги вышлют даже 29-го, то я получу их 31 утром, и будет веселie. Иначе — плач.

Что думаете о моих писаниях? Так ли?

6

16.I.913

Дорогой Борис Александрович.

Мне, признаюсь, прискорбен уход Ваш из "Молвы"¹: пошатнусь. За Вас же, конечно, радуюсь: трудно человеку знататься с газетой.

"Галатея"² обрадован искренне и чем смогу — помогу ей. Я что-то принялся писать стихи. Лирика меня одолевает. Если приедете в Москву, передам их Вам при свидании. Если нет — пришлю, когда накопятся.

Здесь такая тоска, какой еще не бывало. Еще беллетристы где-то там похлопывают друг друга по животам и прочему, а поэтов совсем не видать: притаились.

Написал я Тырковой³ письмо и послал переводной рассказ (из Мериме)⁴, но ответа еще не получил.

В ПБург же собираюсь, да видно не соберусь: денег нет.

Прощайте пока. Жму руку.

Искренне Ваш

Влад Ходас

Вот стихи, которые написал я почти всерьез.

На даче

Хорошо бы собаку купить.

Ив. Бунин

Целый день твержу без смысла

Неотвязные слова.

В струйном воздухе повисла
Пропыленная листва.

Ах, как скучно жить на даче,
Возле озера гулять!
Все былые неудачи
Вспоминаются опять.

Там клубится пыль за стадом,
А вон там, у входа в сад,
Три девицы сели рядом
И подсолнухи лущат.

Отчего же, в самом деле,
Вянет никлая листва?
Отчего так надоели
Неотвязные слова?

Оттого что слишком ярки
Банты из атласных лент,
Оттого, что бродит в парке
С книгой Бунина студент...

Нюра Вам кланяется и говорит, что это "Сатирикон".⁵ А я думал, что это юбилейный дар академику.

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня был я у Вал. Як.¹ Стихов он мне не дал, ибо, оказывается, у него договор со Струве.² По этому договору все его стихи принадлежат Русской мысли, которая их оплачивает, но не печатает. Вал. Як. мне говорил, что у него сейчас идет переписка о расторжении договора, но когда и чем она кончится – неизвестно. Этому можно верить, п.ч. еще третьего дня Машковцев сообщал мне слово в слово то же самое.

Кожебаткин³ я не видел, он где-то носится. Но все слухи упорно клонятся к тому, что "Мнемозины"⁴ не будет. Недели 3 тому назад он мне говорил, что Брюсов его от журнала отговаривает; сам он тоже отмалчивался. Я лично почти уверен, что слухи верные. Во всяком

случае, если Мнемозина и осуществится, то не скоро.

Приезжал в Москву Городецкий.⁵ Об акмеизме лепетал невразумительно.

Я бы на месте Гумилева Вас живьем съел, а он заигрывает. Наставьте ему за это рога.⁶

Стишки мои печатайте, коли хотите, но подпись должна быть другая: Елисавета Макшеева.⁷

Не Бунина, поверите, страшусь, но юмористики. Да и надо же дать какую-нибудь работу будущим биографам: пусть поспорят, я или не я.

Кланяйтесь, пожалуйста, Одинокому. Господи, да когда же я ему напишу?

Когда станет выходить Галатея? Успею ли я Вам прислать для нее стихи?

Будьте здоровы и приезжайте в Москву: напьемся. Нюра Вам шлет привет. Искренне Ваш

Влад Ходас

8

Дорогой Борис Александрович,
затруднять Вас — становится у меня чем-то вроде дурной привычки, от которой и хочу, да не могу отделаться.

Дело же вот в чем. Послал я А. В. Тырковой переводной рассказ (*Мериме Федериго*), было это еще 12 января, но до сих пор о судьбе его не извещен. Если у Вас с "Р.М.", или с Тырковой, отношения добрые и вообще, если это для Вас не неудобно и не слишком хлопотно, — разузнайте, как и что. Ежели он им не годится или не нравится (Мериме был писатель славный) — то пусть бы я получил хоть рукопись или нельзя ли ее куда-нибудь пристроить?

О Москве рад бы Вам посплетничать, да ничего нет, хоть шаром покати. Шершеневич книгу стихов выпустил.¹ Дрянь, лоскутное одеяло какое-то, попурри.

Будьте здоровы. Если исполните мою просьбу, очень обяжете.

Нюра Вам кланяется. Она очень больна: воспаление легких и пневмит вместе. Очень понравилось ей начало Вашей повести в Русской мысли.² А я не буду читать, пока не кончится: не умею читать помесячно и из-за этогоечно отстаю от литературы. Искренне Вас любящий

В. Ходас

Семь бед — один ответ: не спросите ли у Чацкиной, хочет ли она печатать роман Здеховского, который я ей предлагал. Авторизацию я уже получил. Попросите ее меня известить. Ей-Богу, совестно Вас затруднять! Не затрудните ли Вы меня чем-нибудь? ВХ

31 янв. 913

Знаменка, 15.

Дорогой Борис Александрович.
Вот Вам дословный перевод письма:

/Далее следует перевод с польского письма Б. Садовскому от женщины, жены литератора. Она благодарит Б. Садовского за помощь, оказанную ей в Москве. Ходасевич делает короткую приписку./

Спасибо Вам за хлопоты. Письмо от Чаткиной я получил. Гуревич¹ напишу нынче же.

Когда приедете в Москву, приходите непременно. Есть и у меня заграничные планы, да не знаю, осуществляются ли. Выяснится это через месяц, который проведу в трепете: уж очень хочется поехать.

Будьте здоровы. Нюра Вам очень благодарна за добрые пожелания. Она встала сегодня.

Жму руку

Ваш Влад Ходас

7 февраля 913

Москва

Поклонитесь, пожалуйста, Ремизову.² Чтобы так трудно жилось, как ему, надо быть очень хорошим человеком, — уверяю Вас. У мерзавцев все идет как по маслу.

Гиреево
2 мая 1913

Дорогой Борис Александрович.

Не только помню о "письменном" долгое, но и вообще рад с Вами побеседовать. Хотите ли московских новостей: они не велики.

В четверг на Фоминой милый мальчик Бернер читал в эстетике реферат о грядущих судьбах и прочем.¹ Вздор молол даже удивительный. Никак я не ожидал, что он такой глупеныш. Вал. Як. оборвал ему уши. Он чуть не плакал (буквально) и в припадке отчаяния заявил, что "Брюсовечно все подтасовывает". Тот, кажется, даже не рассердился.

В минувший понедельник Таствен² читал публичную лекцию о новых течениях. Я ему возражал и (что поразительно!) даже не плохо: футуристам загнул салазки.

Затеял я нечто: оно может мне принести: 1) удовольствие работы 2) монеты и 3) печальную славу черносотенца, вроде Вашей. Сообщу Вам по секрету тему: *принц Гамлет и император Павел*.³ Я о Павле

читал порядочно, и он меня привлекает очень. О нем (психологически) наврано много. Хочется слегка оправдать его. Стал я читать, удивляясь, что никому не приходило в голову сравнить его с Гамлетом. И вдруг узнал, что в 1781 г., в Вене, какой-то актер отказался играть Гамлета в его присутствии. Нашел и еще одно косвенное подтверждение того, что кое-кто из современников догадывался о его "гамлетизме". Потомки произвели его в Идиоты и Изверги. Если голод не помешает — летом переработаю. Если мысли мои подтвердятся — осенью выступлю с "трудом". Но пожалуйста, — никому об этом ни слова: у меня украли уже несколько тем.

Что Вы делаете, т.е. пишите, и главное — как живете? Я потому говорю: главное — что писать по нынешним временам стали все, — а вот ты поди поживи! Живем-то одни мы, старики. Когда в Москву?

Думаете ли Вы, что я могу обойтись без просьбы? Дело вот в чем. Я еще 11 апреля послал Чапкиной несколько стихотворений "на выбор", как она просила. Она до сих пор молчит, и я не знаю, какие мои стихи пойдут в ее журнале, какие не пойдут. А я бы их куда-нибудь отдал (т.е. которые ей не нравятся).⁴ Спешу, ибо осенью хочу издать книгу.

Если будете ей писать — напомните обо мне.

Ну, будьте здоровы и пишите любящему Вас

Владисла Ходасевичу

P.S. Тяжелые для Вашего сердца вести сообщит Вам Нюра на обороте сем или отдельным посланием: не знаю, ибо сейчас ее нет дома.

11

/Бланк телеграммы. В Ковров — из Кускова. Недатированный./¹

Конечно ждем очень рады Ходасевичи

12

Простите, дорогой Борис Александрович, что отвечаю Вам с запозданием: то дела, то так ерунда какая-нибудь.

Декольте-Маяковский (какая отличная фамилия для шулера!), пожалуй, не хулиган, а просто кабафут. Они теперь ходят табунком: Ал. Брюсов,¹ Ал. Койранский,² еще какая-то тля газетная и он. Говорят, рубаха-парень, выпить не дурак, человек компанейский и "без претензий". Вот бы нам с Вами сделаться без претензий! Шут с ним!

16

Об Эстетике Вы не правы. Очищать ее не к чему, поздно. Надо оставить ее Гиршманам,³ любящим искусство адвокатам (Муни говорит, что все они, достигнув шеститысячной практики, начинают неудержимо "любить искусство") и прочей публике. Заведемте-ка свою, да не у милейшей Анны Александровны, а при "Галатее", к которой перехожу.

Надо ее начинать не с января, а осенью, чтобы открыть сезон, а не затеряться в числе прочих литературных дел. Тогда весь год московский пойдет под нашу музыку, иначе — скучнее, т.е. хуже.

Напрасно Вы покушаетесь на целых 12 тысяч. Ведь не кирпичи будем издавать. Гонорары платить необходимо: это единственный способ заставить поверить в долговечность журнала, а следовательно и "уважать" его. Пусть не говорят: "знаем, на 2-ом № кончится!" Но гонорары должны платиться в половинном размере, дескать — половина деньгами, а половина — высокой честью сотрудничать в "Галатее".

Разделите-ка 6 тысяч на 12: будет 500 руб. в месяц. Что-нибудь получим же, если не по подписке, то за продажу отдельных №.

Кроме того, легче со временем выклянчить еще тысяченку, чем достать сразу такую уйму. Если журнал пойдет хорошо (в литературном, а не каком-нибудь торгашеском смысле), то я сам, м.б. через брата,⁴ смогу кое-кого наказать на субсидию.

Бога ради, не запрашивайте много: спугнете. А еще охотник!

Цинические сии соображения простите мне, ибо простишь на небесах. Не о себе хлопочу, а о матушке Российской словесности. Знаете ли, что скоро настанет пора именно нашего возраста людям ею владеть? У меня руки чешутся.

Тут всего не напишешь. Приезжайте в Гиреево. Сядем и станем подробно, до мелочей, выяснить разные вещи.

Нельзя быть литературной улицей, но и орхидеями не прокормишь Пегаса: только желудок ему испортишь. Журнал должен быть веселый, а не скучный. Очень хорошо удалиться "в катакомбы, в пустыни, в пещеры",⁵ — но издавать "Катакомбный Вестник" ни к чему.

Да приезжайте скорее. Скучно. Великий Mag⁶ со мной чрезвычайно мил, особенно после разных Маяковских и Бернеров. Понял, что лучше "злой Ходасевич", чем почтительный Бернер.

Для "Галатеи" есть у меня две-три темы — пальчики оближете. Давайте ее начинать. Щекочите мецената, приезжайте в Москву и давайте говорить о формате, шрифте, о всякой ерунде, знаменующей, что журнал уже есть. Ей-Богу, не терпится. Будьте здоровы, пишите чаще, не ленийтесь. Жму руку.

Ваш Владислав Ходасевич

Гиреево

25 мая 913

Нюра пишет на обороте. Бальмонт обходителен. Меня почтил, но,

кажется, не поумнел. Стихи читал на своем "юбилее",⁷ просто ужасные. Поклонники кисли, я зевал во всю глотку.

Милый Борис Александрович!*

Все время было так жарко, что рука отказывалась водить по бумаге. А все-таки мне хочется, чтобы Вы знали, что помню и люблю Вас. Ваши письма меня всегда ужасно радуют. О себе писать почти нечего. Ем, пью, толстею. Хочу догнать Жанну Кожебаткину. Очень скучно — должно быть, потому что нет Вали Дидерихс-Ходасевич. Живу тихо и даже стихов не пишу.

Как встретили Государя?⁸ Хорошо ли вышел мундир?

Написали ли приличные слuchaю стихи и пожалованы ли камер-юнкерством?

Нашли ли в имении скучающую соседку? Если нет, то приезжайте скорей в Москву — авось, и "Гиреевская обывательница" сойдет.

Гарри⁹ шлет поцелуй "дяде который подарил машинку". Ну, прощайте. Пишите и приезжайте к нам гостить.

Нюра

P.S. Забыла самое главное: приветствовала Бальмонта в "Кружке" от лица всех женщин и произвела фурор — поцелуем.

* Написано рукой Анны Ивановны Ходасевич.

13

Дорогой Борис Александрович.

Вечная и прискорбная судьба моя — оправдываться. Вот, настала пора делать это и перед Вами. Заметка в "Гол./осе/ Москвы" о Галатее была,¹ это верно. Но появилась она без моего ведома: Янтарев² смастерил. Я его своевременно пробрал, ибо в те времена думал, что меценат — он и москвич, прочтет заметку и обозлится: дескать, дела не порешили, а уж о нем трубят. Сказал же о журнале Янтареву я, жалуюсь, что у меня рот заткнут, писать негде. "А вот как будет у нас с Садовским "Галатея", так отведем душу". А он и тиснул, польстившись золотом построчным. Ну, да если меценат не видал — не беда. Заметка была прилична. У меня ее нет, но достану.

Насчет "претензий" Вы что-нибудь не так поняли. Я не помню, что Вам писал, но думаю, что нельзя замыкаться в "башню из слоновой кости", а также быть вторыми "Трудами и Днями,"³ у которых больше корректоров, чем читателей.

Проповедовать же друг другу мы можем и устно. Журналы издаются не для хранения тайн. Один Мережковский любит печатать в

18

газетах статьи о том, что вот, дескать, какая глубина, но "здесь надо молчать". Все это *Вы*, конечно, сами отлично знаете. Только я, должно быть, как-нибудь плохо выразился. С Койранским дружить не придется — но долой Бердслеев,⁴ орхидеи и прочее. Это Вы знаете: не только в журнале, но и везде.

Приезжайте скорее. Новостей в Москве нет. Впрочем, случилась беда в Альционе. Меценат⁵ проглядел и в сотрудничестве с Клычковым⁶ и Ахромовичем вместо 12 глав "Золотого горшка" "любительски" издали — 6. Михаил Петровский его уличил: напечатал заметку.⁷ Чем кончится дело — неизвестно. Кажется, придется выпускать остальные главы "второй частью", чего ни у Гофмана, ни у Соловьева нет.

Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш Влад Ходасевич

Гиреево

10 июня 1913

P.S. Кара-Мурза не продолжал.

Дорогой Борис Александрович!*

Неудобно отказывать dame, а тем более меценатке. Приезжайте скорей в Москву (к нам), оттуда валяйте в Финляндию. Видите, даже не ревную. Авось, хоть этим заманю Вас из Вашей камариной берлоги.

Нюра

P.S. А я все-таки толстею.

* Приписка сделана Анной Ивановной Ходасевич.

14

Дорогой Борис Александрович,

Сердиться на Вас я не сердился, но, признаться, хотел отслужить панихиду. Говорят, помогает.

Что Вы в Крыму долго не высидите — в том я был убежден. Где уж Вам? Однако, и в ПБурге Вы не засиживайтесь. М.б., там и очень мило, но я глубоко уверен, что это место не для Вас. И не для меня.

Сплетен московских нет. Могу сообщить только о себе: 1) переехали мы в город, в Замоскворечье, адрес: Лужниковкая ул. 4, кв. 2. Квартира у нас забавная, провинциального духа, почти что в особняке; однако чисто и весьма культурно. 2) Павел мой немного замедлился, ибо 3) нужны монеты, и я ради них делаю всякую дрянь.

Читал желудочные стихи¹ Ваши в "Сатириконе". Бравируете,

19

дяденька!

Кстати: вот Вам и комиссия. Посылаю стишкы Макшеевой. Попробуйте пристроить их в "Сатирокон"², но чтобы скорее, а то всякие признаки лета исчезнут, — и чтобы прислали монеты тоже скорей. Без монет — ни-ни. И еще комиссия: 40 строк моих в "Сев. Записках" (№8)³ до сих пор не принесли мне ни гроша. Я с Чацкиной о цене не сговаривался, ибо совестился (экий дурак!): дескать, дама. Но все же считаю так: 50 x 40 = 20 руб, которые нужны мне до зарезу. Не похлопочите ли? А то гибну.

С "Сатир." поторгуйтесь вообще за меня. Я им тогда еще что-нибудь дам. Гибнуть — так гибнуть: все гибнут.

Португалова⁴ разыщу сегодня или завтра и Вам напишу все подробно.

Что пьете Вы за мое здоровье — большущее Вам спасибо, и Тинякову тоже. Но плохо то, что он только что обрит, а Вы его поите.⁵ Также плохо то, что у Вас желудок, а он, негодяй, Вас поит. Поклон ему.

Нынче прочел в газете, что Ауслендер⁶ написал пьесу, которая идет у Незлобина.⁷ Завидно очень: во-первых — монеты, а во-вторых — станет слюняй знаменит, как сидорова коза.⁸

Напечатал я презабавную статейку о Нелли.⁹ Дамы много смеялись. Приедете — покажу. Сравнил Нелли со "сверстницами", Ахматовой и Надей Львовой.

Ну, будьте здоровы. Жму руку. Нюоры нет дома, а то бы и она послала Вам привет.

Ваш В Ходасевич

Мос. 5 сен.913

Пишите!

P.S. Бросьте Вы все любви: некогда!

15

/Лист не датирован и потому лежит в конце пачки писем, но по содержанию он относится к сентябрю 1913 года./

Дорогой Борис Александрович.

Простите, что пишу на такой подлой бумаге: другой нет, конечно, а купить негде: воскресение.

Я написал было Вам длинное письмо, да оно два дня пролежало у меня в кармане — и устарело.

Португалова я едва разыскал, да и то не его, а только адрес. Живет он под Москвой. Вчера послал ему письмо с требованием пред-

20

стать передо мной. Очень рад (и Ниура), что наконец занялись Вы своим животом. Лечитесь, Бога ради, как следует!

В Москве паскудно: футуристы совсем разнудздались и уже ссорятся между собой (это, пожалуй, хорошо). Но вообще по улицам ходить нельзя, такая пакость.

Без пяти минут Клеопатра меня поедом ест: целоваться вздумала. Сил моих нет, не хочу! Водит с собой какого-то кобелька, лет 18, идиотского вида — и коитирует с ним на глазах у дочери. Паскудно выше всяких мер. Надоела. Лежала бы на лежанке да глядела бы на шашни молодых, а то ведь сама норовит. Тьфу!

Адрес ее: Тверская, Глинищевский пер, д. Бахрушина, кв. 100. Но писать по этому адресу не советую: достала она где-то "Пятьдесят лебедей"¹ — и увидела все, т.е. историю с посвящением. Зла на Вас до ужаса, бранится и прочее. Бегает по Москве и всем рассказывает. Возмущена чрезвычайно. Я думаю, она при свидании поступит с Вами: кк баба Ивана Никифоровича с Иваном Ивановичем, т.е. в высшей степени неприлично. Так что уж лучше Вы не пишите. Острит, язва: гадкий, говорит, утенок — и даже нервничает. Боюсь, не вышло бы у нее задержки с менструациями. Дворянскую фуражку поминает.

За что Кречетов² меня жалеет? Глуп я? бездарен? Ниура мне рога наставляет? Сообщите, пожалуйста, почему ему меня так жалко? Мне это весьма любопытно, даже нужно. А брюхо у него славное, бархатное, — это верно.

Большое спасибо Вам за хлопоты. Монеты из "Сев. Зап" получил и прожил.

Да! Звонила ко мне Н. Я. Серпинская,³ спрашивала Ваш адрес. Я дал, ибо Вы человек легальный и даже известный. Но *лишнего* ничего не болтал, можете быть спокойны.

Ну, будьте здоровы. Очень хотел бы Вас повидать.

Ваш Владислав Ходасевич

P.S. С "Мусагетом"⁴ полегче: *лопается*. Сведения из верных источников, хотя сами мусагетцы это скрывают. Но я знаю это таким образом: Ахрамович — некто — я. Надуть они Вас не надуют, конечно, но книгу выпустят вместе с 80-м томом полного собрания Эдгаровых сочинений. И с деньгами у них крайне туго.

Ниура шлет поклон, привет и пожелание доброго здоровья.

Дорогой Борис Александрович!

Увы, извиняться должен я, а не Вы. За что мне на Вас сердиться? Вы знаете, как меня радуют наши добрые отношения. Не писал же я

потому, что либо занят до отвращения, либо отляживаюсь от неимоверной усталости. Так что уж Вы меня простите, а мне Вас прощать не за что.

Письмо Ваше огорчило меня весьма, но вот по какой причине: сегодня вечером еду в Петербург, всего дня на два по скучнейшим делам и ради перемены мест: совсем в Москве расхлябался. Думал я, что Вас, может быть, еще застану в ПБурге. Оказывается – нет, и это очень портит мне всю поездку.

О "Галатее". Просто сказать нельзя, как Ваши мысли совпадают с тем, что я думал на этот счет в последнее время. Именно потому я и не напоминал Вам о возобновлении меценатических (вот так слово вывернул!) хлопот. Вы правы. Если бы Вы все-таки "Галатею" завели, я бы ничего этого Вам не сказал и был бы Вашим верным союзником. Но "Галатеи" нет – и это, должно быть, к лучшему.

Подлец-Португалов сидит без денег. Книга Ваша сверстана, но ему даже корректур (которые он побожился доставить мне) не выдают из типографии... Что же я могу сделать?

В Москве гнусь, гнусь, гнусь, гнусь, и гнусь. Слякоть футуристическая. Писаревы экзотизированные шляются, буянят, блюют стекла. Бальмонт играет в истерическое бебе. "Сам"¹ ослаб, попустительствует. Толстой ведет себя совершеннейшим хамом. У Зайцева размягчение мозга и лирический понос: зелененьким ходит и умиляется на собственные пеленки. У меня на днях будет разлитие желчи, потому что я перестал ругаться и молчу. Бедная Надя² потолстела и стала футуристкой. А стишкы плохенькие... Без пяти минут Зинаида Волконская бюстотворчествует и прикармливает сволочь футуристическую.

Обо мне? Я вот кое-что пишу. Напишу – увидите, а так сказать нечего. Дай Бог Витольду самому так процветать, как я! Выжал из "Летучей Мыши"³ 600 целковых – и все тут. А в душу я себе наплевал на 600 тысяч. Баланец неутешительный. М.б., Витольду это было бы нипочем, а мне трудно... Ну, да я из Мыши ухожу. Уступаю ему или кому угодно поле действий. Да ведь у него и на это не хватит силенки, – я 2000 рифмованных строк отмочил. Не шутка.

Трудно жить, отец родной. Ну, да ничего. Я, кк Кречетов: выплыvем!

Будьте здоровы. Пишите почаще и приезжайте скорее: только Вас хотел бы я видеть. И это искренне, Вы сами знаете.

Крепко жму руку.

Ваш всей душой ВладХодасевич

Нюра шлет Вам привет, поклон и хорошие пожелания. Здоровы ли Вы?

P.S. Посылаю Вам скверную мою карточку. Простите: снимался для Грифского альманаха.⁴ Из карточки увидите, что "Владислав Ходасевич переменил прическу". 27 окт. 913 Москва

Дорогой Борис Александрович!

Простите, что пишу на лоскуте, но сейчас воскресение, а бумаги приличной нет. Книга Ваша ("Самовар") отпечатана.¹ Все дело за обложкой. Деньги у Кожебаткина, кажется, есть, хотя он огорчен тем, что конфискован альманах.² Впрочем, он, кажется, на днях сопьется: там происходят непрерывные заседания Рыбинцевых, Якуловых, Шершеневичей, Милиотей, Топорковых и т.д. Все это пьет и играет в карты. Ему не до книг. Все это сообщаю Вам к руководству и по секрету.

И еще *по секрету*. Получив "Ревизора" и "Горе от ума", Никита³ объявил, что они столь плохи, что ставить их нельзя. Стал заказывать мне разную другую литературу. Я поступил так, как должен был поступить: ничего не написал и заставил ставить Вас. Завтра обе пьесы идут, с двух или трех репетиций, необычайно плохо, особенно "Горе от ума": играют ужасно, особенно Лиза и Фамусов. Никита за все это на меня зол — и на Вас тоже. Нет, все-таки, кажется, вся эта история не для нас с Вами. Дело в том, что в Летучке идет борьба партий. Пускается в ход даже эротика — и вот, появляется партия, требующая изгнания нас с Вами и замены нас г. Лало⁴ и Янтаревым.

На прошлой эстетике за ужином Вяч. Иванов⁵ произносил речи, в коих возводил меня на высоты головокружительные. Скучно, но лестно. Вообще, кажется, моя книга⁶ имеет "успех": скучно и не лестно.

Очень жаль, что не приедете в Москву. У меня к Вам просьба: похлопочите в ПБурге, чтобы обо мне писали. Мне это нужно сейчас до зарезу из соображений финансовых. Кроме того, следствием нескольких хороших отзывов обо мне может быть одна комбинация, для нас с Вами гораздо более приятная, чем 10 Альцион. Но это пока тайна. И Вам не хотел писать, да язык мой — враг мой. Простите за несуразный штиль: шумят в соседней комнате. Будьте здоровы, любите меня, как я Вас.

Ваш Владислав Ходасевич

Нюра шлет привет. Заехали бы хоть по дороге в Крым!

23 февр. 914

/пером рисунок самовара/

Вдохновляйтесь и Вы!

Дорогой Борис Александрович.

Л. И. Рыбакова¹ сказала мне, что Вы спрашиваете о моем адресе. Вот он: Ст. Томилино, Моск-Казанской ж.д., ул. Достоевского, дача Семиладнова. Это для писем не сугубо важных, но быстрых. Для более медленных, но *важных*: редакция "Русских Ведомостей", Ход-чу.

Я жив, здоров, тружусь в поте лица, пищучи о Пушкине (селятаки!), переводя проклятого Сенкевича² и творя рецензии *о стихах* для "Русск. Вед."³ — ибо пока что сей отдел в сей многопочтенной газете вручен мне во власть самодержавную. Не знаю, только, как уживусь там. Пригласили сами, ибо на реферате о Северянине был Игнатов,⁴ купил реферат, напечатал и позвал писать вообще.

Рецензию Вашу обо мне видел.⁵ Спасибо за добрые слова, но, по совести говоря, Вы сделали меня лет на 7-8 моложе: погладили по головке, как Эдгара (который Вам кланяется).

Говорил с Муратовым⁶ о Ваших делах. Надо ждать до осени, но разговор был кислый.

Ну, пока все. Жду письма Вашего и жму руку.

Ваш Владислав Ходасевич

P.S. 1) Кланяйтесь Одинокому. Я ему не ответил, ибо потерял письмо с его адресом. 2) Какова судьба стихов Терентьева?⁷

В X

Томилино 18/V 914

Дорогой Борис Александрович!

Поздравляю Вас с Романовкой,¹ с удовольствием нагряну к Вам в гости, м/ожет/ б/ыть/ — даже осенью. Боюсь, только, что Вас там никогда не будет.

"Ты сплетен ждешь, царица? Нет их!"² Разве только что издатель наш болен. У него какая-то очень трудная (в филологическом смысле) болезнь и потому я забыл, как она называется.

Поблагодарите Юнгера³ за книгу. Я сделал бы это лично, но не знаю его адреса, т.к., получив книгу, содрал бандероль и бросил ее в корзину. Прочесть книгу не успел еще, но прочту и напишу.

У нас ничего нового. Пишите Вы, что слышали, и что видели, и что делали.

Будьте здоровы. Преданный Вам

Томилино, 3 июля 914

Влад Ходасевич

Томилино, Моск-Каз ж.д., ул. Достоевского, дача Семиладнова.

Какое бездарное письмо! Простите: жарко.

Дорогой Борис Александрович,
отвечать на письма друзей — великое наслаждение. Но стремясь к идеалу строго-аскетическому, я лишаю себя и этой, невинной в сущности, радости. Прошу Вас быть уверенным, что потому только я и молчал так долго. Кроме того — работаю в сутки буквально часов по восьми, а то и больше, но уж не меньше. Здесь тихо, все всегда дома, и я тоже. Нюра работает в городской управе, в отделе, заведующем распределением раненых. Москва ими полна. Больниц не хватает. Частных лазаретов тьма, и все-таки солдат раздают желающим на квартиры. Хочу взять двоих: капля в море да уж очень нужда велика.

Приезжайте-ка в Москву лучше. Здесь у нас мрачно, но честно, по Петербургу же Городецкие ходят стадами. Чай, уже к войне примазывается? А мрачно у нас весьма. Я буквально никого не вижу, да никого и нет. Весь кружок превращен в лазарет, никаких сборищ не будет во все время войны. В кабаке не был ни разу, да и не тянет. В гостиходить не принято, как на Страстной неделе. Мне все это нравится.

Чацкина (дай Бог ей здоровья) прислала мне монет (квартира, квартира, отдав мне мои деньги!) и заказала статью о Лермонтове. На днях сажусь писать.

В Киеве ужасы: два целых и три десятых эстета собрались издавать журнальчик. Я дал им стишков.¹ Экая ерунда!

Великий Маг пишет в Рус. Вед. корреспонденции из . . . Вильно и Варшавы. Хорошо пишет, точь в точь — Саша Брюсов. Мы, говорит, воюем; побеждающие побеждают; побежденных побеждают; человек, в которого попала пуля, здесь, в Вильне, называется раненым. Раненые очень храбры. Некоторые из них умирают, прочие рано или поздно выздоравливают. Умершие называются покойниками, а выздоровевшие опять становятся солдатами, пока их не ранят. Тогда они или умирают или выздоравливают. . .² и т.д., очень последовательно и логично, что в стратегии необходимо.

В Варшаве его чествовали писатели. Это не стратегия — а потому лошка прихромнула: никаких писателей в Польше нет. Что и есть похожее на писателей — то живет в Австрии (Реймонт, Тетмайер) и в Германии (Пшибышевский). А в Варшаве . . . ну, вздор одним словом!

Будьте здоровы. Жму руку.

Нюра кланяется, из чего Вы можете заключить, что мы не разъехались. Издатель³ сидит без денег, безумец — просит их у меня! Я бы за него в огонь и воду, но. . . Будьте здоровы. Мужайтесь: Вы не издатель.

27 авг. 914
Мос.

Сердечно Ваш
Владис Ходасев

9 ноября 914
Москва

Дорогой Борис Александрович!

Сознаю, конечно, вину свою, да ленив я писать, и житье идет трудное, несуразное. Со дня на день откладывал письмо к Вам. За то теперь отвечаю по пунктам.

Сплетен московских нет, ибо Вячеслав Иванов тих, как луна, а больше в Москве, кроме его и (простите, Бога ради) меня, порядочных писателей сейчас нет. Не сообщать же мне Вам о Каменских да Арцыбашевых.¹ Впрочем, и о них ничего не знаю: не знаюсь.

Издателя видел. Плох. Затих. Местожительства не имеет. Одну Альциону на днях продал в Охотном купчихе вместо куренка, другая невооруженным взглядом ненаблюдаема.

Наш великий друг что-то пишет в "Р. В." – а что – не знаю. Супруга его была у нас (о, чудо!) дважды. Раз у меня по делу, другой – у Нюры, в преферанс играли, при помощи Рубановича.²

Никаких начинаний нет. Сижу без денег (поймите намек!). Никита мрачен. Дела у него плоховаты. Поэтому Нюра, Гаррик и я худеем не по дням, а по часам. Я бы сам с ним разъехался, да нельзя: сразу худеть вредно.

Вышла моя "Война".³ Ужасно плохая книжонка. Да некогда было сделать ее получше – и не из чего: плохо пишут русские поэты о войне. Посылаю Вам ее только по долгу признательности, – а то стыдно и показать. Кстати: Вы мне обещали прислать из Нижнего "Камену."⁴ Жду. Пришлите. Ни одной порядочной книги нет.

Нюра здорова, трудится. Эдгар успел заболеть и выздороветь. Профессорша вышивает бисером кошельки для вдов и сирот воинов, или еще что-то в этом роде делает, очень изящное и пакостное. Адрес Нины Яковлевны попытаюсь узнать, тогда сообщу. Не хочу откладывать этого письма, а то снова придется передавать его Вам при личном свидании – я себя знаю.

Шершеневич – Шершеневич. Португалов приехал с войны. Удрал-таки: швы расползлись, ведь ему в прошлом году аппендицис отрезали. Но, хотите верьте, хотите нет, – а он, лежа в Вильне в лазарете, умудрился издать книжонку "Разведчик" – эдакий разговорный словарь на рус. и нем. языках (нем. текст русскими буквами). Это для солдат. "Составил рядовой такого-то полка Валентин Португалов". Печатано в типогр. виленского военного округа (или что-то в этом роде). В коленкоровой мягкой обложке. С типографскими тонкостями. Ей-Богу, я сам в руках держал. Он здесь в лазарете. Весел и бодр. Я у него был, он меня вызвонил по телефону. Я думаю, он и на том свете издаст путеводитель

по тамошним достопримечательностям: Дантовский устарел.

О войне Вы, конечно, сами все хорошо знаете. Впрочем, здесь ходят слухи, будто французы устраивают "немецкие зверства" не хуже самих немцев. Кое-что даже проникло в печать (русскую!). Добивают раненых, продают немецкие уши по 10 сантимов за пару и т.д. Верить очень не хочется, но... Дай Бог нам с ними встретиться в Берлине, — однако боюсь, что если все это правда, то на немецкой территории они разгуляются во всю. Нет, кажется, прав я был, говоря, что во всей Европе одни мы европейцы. Верите *вы*, ибо *мы*, *поляки*, кажется, уже немножко режем *нас*, *евреев*.

Ну, будьте здоровы. Не сердитесь на меня за молчание и прочее. Каждый вечер изнемогаю от желания увидеть хоть одного порядочного человека, — и кроме Вас никого не могу себе вообразить. Право, у нас с Нюрой мода скучать "по Садовскому". В конце концов я к Вам приеду, когда штукатурка просохнет.

Крепко жму руку. Нюра шлет привет

Владислав Ходасевич.

P.S. Я послал мышиные стихи в Аполлон (т.е. о войне, одно стих.).⁵

Да, приезжал Ауслендер. (Я ему по привычке "Петербург", а он мне — "Петъягъяд"!⁶ Вот тоже Иноземцев выискался!) Читал он Незлобину новую свою пьесу о Павле Петровиче. Говорят, дрянь окончательная. Незлобин пьесу взял, а сам всей Москве жалуется: "Какая дрянь!" Плохая реклама!

Вот Вам и сплетня!

22

Дорогой Борис Александрович.

Простите, что пишу на клочке. Спешу отправить эту записку с окаяней. Я никак не мог поймать Архипова,¹ но от секретаря узнал, что рассказ Ваш уже набран. Боюсь затянуть дело. Немедленно пишите сами Архипову.

У меня уйма хлопот и неприятностей. Только что послал с Рубановичем и Липскеровым² коллективное заявление в Эстетику. Нас обидели, заставив читать в прошлый четверг стихи, а после нас выпустив Маяковского и Зданевича.³ Будут большие бои. Заявление составлено в выражениях, более, чем решительных. Будем требовать публичного извинения.

Ваш Ходасевич

9 февр. 915
Мос.

27

Дорогой Борис Александрович.

У меня к Вам большая просьба. Прилагаемое письмо сегодня же, если сможете, завезите в "Летучую Мышь" и отдайте Карееву,¹ а если его нет — Никите. Я потому решаюсь затруднить Вас, что не знаю в Питере ли Кареев, а послать на его имя, когда его там нет, — значит, погибнуть. Никите же писать непосредственно — месяц ждать ответа. Однако, повторяю, если нет Кареева — отдайте письмо Никите, велите, прочтя, исполнить все, что надо. Вы, надеюсь, понимаете, в чем тут дело...

От Издателя слышал, что Вы выгодно продали "Полдень".² Поздравляю. Слышал и о брошоре.³ Пожалуйста, при корректуре ее помните мои молитвы.

Я болел: опять проклятый плеврит. Видно, "когда славянский стяг завеет над Царьградом"⁴, придется мне ехать на Принцевы острова умирать от благородной славянской чахотки.

Эстетика постановила перед нами извиниться. Ждем ре скриптов.

Пишу статью о военных стихах. Хвалю Вас. Нюра шлет Вам привет.

Любящий Вас Влад Ходасевич

I/III 915

Если можно, уведомите меня о получении этого письма и не откладывайте передачи приложения в "Л. М.". И что вообще слышно?

Дорогой Борис Александрович!

Не гордость (ах, с чего бы?), а страдания душевые заставляют меня молчать. Спасибо Вам за "Озимь" и за поздравления с праздником, примите и от меня такое же.

Не пишу, ибо страдаю; страдаю, ибо скучаю; ибо здесь тоска и глупость, лень, надоевшие сплетни, без журналье, безлюдье и сплошные идиоты вокруг меня. Мне не с кем слова сказать, ей-Богу. Нельзя же ходить разговаривать с Архиповым и Маяковским? От скучи перевожу (стихами, вестимо) трагедию Словацкого (секрет) — но зачем это делаю — одному Богу ведомо. Времени свободного у меня хоть отбавляй, но, кажется, я могу работать только в сутолоке, урывками — или уж совсем в одиночестве, в деревне. А так — ни то, ни се — и я ничего почти не делаю. Стихи пишу плохие.

Об "Озими" толком ничего не слыхал, ибо слышать не от кого. Хочу попытаться тиснуть о ней в "Вед/омостях/" да боюсь:¹ ведь там Валерия чтут кк Пешехонова.²

Пожалуйста, пишите о себе. Не приедете ли в Москву? Уж очень бы я рад был. Нюра меня к Вам ревнует, хоть Вы и негодный сплетник: зачем распустили здесь слух о журнале? Мне разная сволочь не дает проходу. Известно даже, что мы с Вами получили тридцать тысяч, копейка в копейку. Стоит ли жить в этой помойной яме, которая зовется Москвой? Тыфу!

Я решил никуда не ходить, никого к себе не пускать, ни с кем не знаться. Даже не подхожу к телефону. Ответ обо мне для всех одинаков: дома нет и не будет. Но все это скучно. Вот Вам адрес Португалова: Бол. Афанасьевский пер., 9, кв. 5. Спешите, а то его выселят. Будьте здоровы. Не забывайте.

Ваш В. Ходас

Нюра шлет привет, благодарит за книгу.

/24.III.15. – дата написана на обороте письма рукой Б. Садовского/.

25

Дорогой Борис Александрович,

Вы меня не столько разочаровали (я предвидел, что рассказ не для "Лукоморья"),¹ сколько неверно поняли: я Вам говорил, что стихи могут быть отданы только вместе с рассказом и только при условии аванса, не меньше ста рублей. Я их давал для закуски, вроде деликатеса, – а так я смогу их продать в приличное место. Стихов я пишу мало и дорожу ими. Скажете – меньше дадут? Да, при тысяче строк это разница, а при 36 – все равно. Впрочем, можно их оставить в "Л", но при непременном условии: тотчас должны быть мне заплачены все деньги за все стихи, по рублю, т.е. 36 руб. Иначе – назад, т.к. у меня нет уверенности, что и эта редакция не обокрадет меня, кк обкрадывали другие. Имея честь быть российским литератором, я согласен на все, что по традиции званию сему сопутствует, т.е. голод и проституция с голоду. Но проституировать ради чести быть проституткой – это уже слишком.

Чувствую, что уже достаточно причинил Вам хлопот (и причиняю их условием напечатания моих стихов) – а потому от дальнейших обязательств Вас избавить: возьмите же рукопись и кк можно скорее (боюсь он уедет в Москву), пошлите ее Чулкову² (Царское Село, Малая ул, 47) : пусть он за меня "обивает пороги редакций". Ему пишу.

Жму руку. Ваш В. Ход.

Главное – скорее отправьте рассказ Чулкову.

/10.8.15 – дата рукой Б. Садовского на обороте письма/.

29

Дорогой Борис Александрович,
идея освободиться от издателей мне, конечно, в высшей степени по душе. В члены будущего клуба Вашего весьма прошу меня выбрать. В альманах¹ нечто дам с удовольствием, но Вы не пишете, к какому времени это "нечто" должно быть у Вас. Между тем, вопрос о том, что именно я бы дал Вам, решается для меня в зависимости от срока. Не поленитесь же известить меня об этом, хотя Вы и нездоровы, по-видимому: письмо Ваше писано не Вашей рукой. Что с Вами? Нужели все та же хворь?²

Вы напрасно думаете, что "суровая отповедь" моя относилась к Вашему лукоморству. Это было бы с моей стороны странно. Я, признаться, осерчал было на Вас за другое: за то, что по дороге в Пет. успели Вы позабыть мои условия касательно стихов: больше ничего. Надеюсь, однако, Вы на меня не злобитесь, и вся эта, пустячная, в сущности, размолвка не повлияет дурно на добрые отношения наши, которыми я дорожу сердечно. Невместно нам с Вамиссориться на деловой почве: уж лучше давайте когда-нибудь подеремся из-за чего-нибудь более высокого.

В Москве нового почти ничего. Брюсов засадил меня переводить латышских поэтов.³ Ерунда сплошная. Перевожу только для того, чтобы не говорили будто я лентяй.

"Семейство мое" благодарит Вас за память и шлет привет. Эдгар ходит в школу. Я ему сказал, что если он не будет первым учеником, мне нельзя будет на люди показаться. Несчастный лезет из кожи вон. На днях переводят его в православие, и из Эдгара он станет Егор. Это хорошо, впрочем.

Живу я вот где: *Плющиха, 7-ой Ростовской пер, д. 11, кв. 24.* По этому адресу и надеюсь получить от Вас ответ о сроке присыпала для "Медного Всадника".

Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш Влад Ход

9 ноябр. 915

Письмо Ваше получил я только вчера, у брата на именинах. Насчет Озаровского⁴ — клясться не могу, но думаю, что ничего подобного. Он здесь был весьма отвратителен. Все его выступления — сплошной провал.

Дорогой Борис Александрович,
в том-то и беда, что письмо Ваше я получил своевременно, — а стихов-
то у меня и нет, что было — роздал, а новые не пишутся, хоть убей.
Пробовал выжимать из себя насилино — да Вы сами знаете, каковы
в таких случаях результаты: плохо. А плохого я Вам (да и никому)
посыпать не стану. Так что уж Вы не гневайтесь и на сей раз махните
на меня рукой. Однако же, если что в ближайшее время напишется —
пришло тутчас же обязательно. Ежели опоздаю — верните.

О книгах Ваших в благороднейшей и мудрейшей газете напишу
непременно, *только пришлите мне и стихи поскорее*: буду писать разом
о трех, — по всем по трем.

Никита Ваших пьес мне не дал, сказав: пусть сам мне напишет.
Не знаю, какого ему рожна надо.

Тут налаживается у меня одна работа, приятная в разных смыслах.
Да, вероятно, из этого ничего не выйдет, т.к. меня скоро возьмут на
войну: я 1907 г.

Будьте здоровы. Пишите.

Сердечно Ваш ВХ

2/XII 915 Москва.

Нюра шлет привет.

Совершенно безумный Борис Александрович.

С чего Вы взяли, что я закоренел в эгоизме? Я хвораю и ничего
больше. Нашелся у меня на спине позвонок, который вздумал пу-
хнуть/, нашелся врач, пугающий меня туберкулезом позвоночника.
Я же врачу не верю, но не унываю и лечусь во всю мочь. Кроме того,
работаю, как сорок тысяч братьев. Вот и все. Теперь по порядку.

Никитин сезон кончает/ся/ 2 марта, т.е. это будет последняя по-
становка. Новое в этом году вряд ли поставят. Советую Вам, не пред-
лагая работы *сейчас*, истребовать с него денег в счет будущего. Я его
почти не вижу, в будущей программе моих вещей нет. Не ссорясь,
эмансипировался. Скучно там, к тому же чувствую, что в направлении,
нужном "Л.М." я просто исписался.

Я ушел из "Русских ведомостей", где занимаются литературой,
когда есть свободное время. Ушел, ибо "Утро России"¹ меня сманило.
Теперь ведаю там критику стихов самодержавно и в очередь с Брю-
совым пишу о театре. О прозе Вашей там давным-давно писал Айхен-
вальд,² и увы, о ней мне пришлось молчать. О "Полдне" же писал в

№ 30, от 30 января.³ Кое в чем Вас укорял, кое за что хвалил. Приедете — покажу. Кроме того, в № 51, от 20 февраля, напечатал я 300 строк о Федине с упоминанием Ваших изысканий.⁴ Проберите бюро вырезок.

В Крым Вы не поедете, скорее жена к Вам приедет.

Нашего издателя поймать нельзя. Здесь буквально мне предлагали подписаться под письмом в редакцию, в роде тех, какими обмениваются удрученные горем родители с блудными сыновами: "Коля, отзовись!" — т.е. "Не будучи в состоянии лично встретиться с Вами, мы, ниже-подписавшиеся, обращаемся к Вам, А. М., при помощи прессы". . . и т.д. Пока отложили. Он просто и откровенно скрывается. Сам ищу — не могу ни добыть адреса, ни поймать живьем. Мир стоном стонет. Земля трескается. Илья Пророк грозным словом гремит — нет Кожебаткина, нет издателя, пропали мы. Иначе, как в стиле Ремизова, и говорить о нем не могу.

Спасибо за зов читать: денег нет на поездку, да и поздно: не успеете исхлопотать на меня разрешение. Да и военный призыв у меня на самом носу: говорят, в начале марта.

Счастье, что не я нашел портрет Пушкинский,⁵ я умер бы от сомнений: то ли его на стенке держать, то ли тысячу получить. Торгуйте, но сперва пришлите мне хорошую фотографию с него. Это обязательно, а то совесть не даст Вам покоя, замучит, задушит, очень плохо будет.

Я перевожу армян, латышей, финнов. . .⁶ И назовет меня всяк сущий в ней язык: "ловко", скажет, "переводил покойник". Целую Вас (тоже, если позволите). Всего доброго. Пишите и приезжайте. Неизменно Ваш

Владислав Ходасевич

26/II 916

Дорогой Борис Александрович!*

Наконец-то Вы постигли прелест и третьего члена семейства Чулковых — страшно этому рада — Зоря Чулковых⁷ очаровательный человек и, конечно, лучше своих непутевых сестер. Я о Вас соскучилась и очень хотела бы повидать Вас. В этом году мне очень не везет: муж и сын хворают. Сейчас у Эдгара корь, но как истинная христианка, я не унываю и надеюсь на Бога.

Поищите в Петрограде книжку Сад Поэтов — там Вы будете иметь возможность прочесть произведение Софии Бекетовой.⁸ Смешно сказать, но меня это очень забавило. Эдгар Вас помнит, любит и целует. Я тоже.

Анна Ходасевич

* Приписка Анны Ивановны Ходасевич.

Москва. 22 апреля 1916

Дорогой Борис Александрович,

Я ровно настолько хорошо отношусь к Вам, чтобы иметь и право и обязанность говорить откровенно. Если Вам, как заключаю по письму Вашему, не безразлично, мое мнение о Тиняковской истории,¹ то вот оно в коротких словах.

Тиняков – паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем, (уход из Северных записок), потом кадетом (Речь). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. Эта способность (или порок) физиологическая. Она ни хороша, ни дурна, как цвет волос или глаз. В моменты переходов он, вероятно, немножко подличал, но я думаю, что они ему самому обходились душевно недешево. Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и каётся, каётся и грешит. Меня лично иной раз от этого и подташнивало, но меня и от Раскольникова иной раз рвет. Поэтому его "исповедь" безотносительно к тому, в какое положение она ставила Вас (я на минуту отстраняю от себя свои личные чувства к Вам), меня не возмущала, как конечно, и не восхитила. Она была в порядке тиняковщины, только и всего. Но присланная Вами вырезка подла бесконечными своими виляниями, подтасовками и передергиваниями. Это о Тинякове. Теперь о Вас.

"Исповедь" я видел. Вашего возражения не видел, но слышал о нем как раз от Гершензона,² которому я на основании "исповеди" высказал предположение, что Вы действительно водили Тинякова к Борису Никольскому.³ Г/ершензо/н с моим предположением согласился и сказал, что оно подтверждается и вашим опровержением в "Бирж",⁴ тем местом, где говорится о Фете. Думаю, что с Вашей стороны не хорошо было 1) поощрять трусливое, тайное черносотенство Т-ва и 2) так или иначе способствовать снабжению "Земщины" каким бы то ни было материалом. Это нехорошо, из песни слова не выкинешь. Оправдывал я Вас тем, что многое, по-моему, Вы делаете "так себе", а может быть, и с беллетристическим и ядовитым желанием поглядеть "что будет", понаблюдать того же Тинякова, ради наблюдения мятущейся души человеческой. Правда, это немножко провокация, но

почему-то *не хочется* (а не нельзя) судить Вас строго. Гершензон, как мне показалось, был со мной вполне согласен. Вас не ругал, по крайней мере при мне. Думаю, что и без меня. Вообще же в Москве об этой истории как-то не говорят, ее почти не заметили. Вас не бранят. Вырезку покажу, кому надо. Думаю, что Тиняков сам себя съел.

У меня большое горе: 22 марта в Минске, видимо — в состоянии психоза, застрелился Муни.⁵ Там и погребен.

Меня призывают воевать, но не взяли. Оставили ратником.

В письме Вашем неразборчиво: 29-го Вы едете (чудо!) или 23-го? Если 23, то это письмо Вас не застанет. Поэтому хоть открыткой извещите о его получении. Молчание буду рассматривать как признак не получения. Да не черкнете ли (хотя телеграммно), в котором часу и какого числа будете проезжать через Москву. Поезд стоит здесь минут сорок на Курском вокзале. Я бы на Вас поглядел.

Будьте здоровы, не гневайтесь за откровенность и верьте, что я истинно хорошо отношусь к Вам. Где же книга и какая она? Стихи? Рассказы? Статьи?

Ваш Владислав Ходасевич

30

Дорогой Борис Александрович.

Только что получил Ваше письмо и сейчас же позвонил Балиеву. Оказалось, что он в Харькове, вернется числа 20-го. Тогда позвоню еще.

Не гневайтесь, что не приехал Вас повидать на вокзале: очень плохо себя в тот день чувствовал. Дела мои вообще чрезвычайно плохи: у меня туберкулез позвончника. Надели на меня третьего дня гипсовый корсет, это довольно невыносимо. А придется в нем проходить лет пять, если не помру. Не снимается он даже на ночь. Дай Бог этого не испытывать. В начале июня, кажется, поеду в Крым, но точно еще не знаю, куда и когда. А, может быть, и не поеду. Тогда Вы в июле увидите мои моги в Москве.

За "Ледоход"¹ спасибо. Но на другой день после того, как я его получил, Айхенвальд уже умудрился написать о нем в "Утре России".² Книга приятная, но кое-каких заметок я бы в нее не включал. Лермонтов, Фет и . . . Ауслендер.³ Не стоило.

Сердечно рад семейным Вашим радостям. Но рука Ваша пишет плохо (разумею, конечно, почерк, а не "блестательное перо"). Следственно: скорей обучайте сына грамоте, да растет на помощь немощному родителю.

Будьте здоровы. Обнимаю.

Ваш Владислав Ходасевич

О Балиеве не забуду.

М. 17 мая 1916

/Открытка/

Ялта, Таврич. Е. В.
 Борису Александровичу Садовскому
 Бульварная ул., гост. *Бристоль*, № 16
 28.V.916
 Москва

Дорогой Борис Александрович!

Никита только сегодня приехал в Москву. Завтра и послезавтра — праздники. Во вторник он дал слово выслать Вам деньги. Я плох. 4-го еду в Крым. Пишите по адресу: Севастополь, 36-й почтовый ящик Марии Алексеевне Сербуленко, для передачи и т.д. Обнимаю.

Владислав Ходасевич

Нюра шлет привет.

14/VIII 916
 Коктебель

Дорогой Борис Александрович,
 приехала ко мне Нюра, рассказывала о Вас, — и мне захотелось напомнить Вам, что взаимное "неписание" не должно никаким образом влиять на наши добрые отношения. Слышал о Ваших недугах и новом лечении. Усадите же кого-нибудь и продиктуйте длинное обстоятельное послание о своем здоровье (это прежде всего), о планах, работах и прочем. Вы, кажется, знаете мою нелюбовь к желтокожим. Обязуюсь заключить вечный союз с Китаем, если сын Небесной империи сумеет Вас починить.¹ Обязуюсь даже признавать этих обезьян людьми и братьями. Нет, кроме шуток, как Вы себя чувствуете? Ваша хворь меня по-настоящему очень и очень огорчает. Пишите же.

Я? Я изрядно поправляюсь, стал очень черен, забыл про головокружения, только спина еще не действует. Я отдохнул очень, ибо 3 месяца ничего не делал. Это мне даже надоело. Писал Балиеву, предлагал ему себя в обмен на золото, — молчание. Он тут водил за нос Нюру — и все. Ни работы, ни золота я не получил. Он, вероятно, надеется, что по примеру прошлых лет использует меня в Москве для экстренных работ. Увы, это ему не удастся. Не стану. В моей болезни Лет. Мыши очень повинна. Довольно.

Сплетен, сплетен, ради Аполлона! Что меценат? Чем дует из Петербурга? Жив ли Бобров?² Садовской не затеял ли какого скандала? Эх, продиктуйте-ка письмишко. Будьте здоровы. Обнимаю.

Ваш В Х

Нюра шлет привет. Я здесь до конца сентября. Долго ли пробудете в Москве? Увидимся ли?

/ В конце 2-го листа написано: "Адрес мой: Федосия, Таврической губ. Коктебель, дача Волошина"/.

33

Москва, 26/I 1917

Дорогой Борис Александрович,
мне очень стыдно затруднить Вас просьбой, и я бы никак не решился
сделать это ради себя. Но дело идет не обо мне.

Вчера отправлен к Вам в Нижний, в какую-то студенческую распределительную школу прaporщиков, мой добрый знакомый, умный и хороший человек, Сергей Яковлевич Эфрон,¹ муж Марины Цветаевой. (Вы с ним летом встречались у Нюры). Человек он совсем больной и не очень умеющий устраивать свои дела, к тому же не имеющий в Нижнем знакомых. Я решился дать ему Ваш адрес. Так вот, если он к Вам зачем-нибудь обратится, — не откажите ему в дружеской услуге и внимании. Может быть, он воспользуется Вами для устройства хождения в отпуск или чего-нибудь в этом роде. Может быть, ему предстоят какие-нибудь комиссии и проч.: используйте же и в сем случае то влияние, которое есть у Вас и у Вашей семьи в Нижнем. Повторяю, это человек больной, как и мы с Вами. Его жаль душевно. Все, что Вы сделаете для него — Вы тем самым сделаете для нас с Анной Ивановной. Еще раз простите, — но мне Эфрана мучительно жаль. Он взят по какому-то чудовищному недоразумению.

Если Вам не чересчур трудно — черкните пару слов о себе, главное — о здоровье. Что пишете и замышляете?

О себе писать прямо не могу: не любопытно. Занят, занят, занят, а толку не вижу. Пишу статью о Пушкине,² перевожу Стендэля,³ написал пяток макаберных стихов. Видали Вы 1-ую книгу Альманаха "Стремнина"?⁴ Там Брюсов "докончил" Египетские ночи. Посмотрите.

Не собирайтесь ли в Москву? Приезжайте, ежели можно. Я живу без сверстников, это скучно.

Ну, будьте здоровы. Обнимаю Вас и прошу не забывать Вас сердечно и неизбывно любящего

Владислава Ходасевича

36

Нюра шлет привет и тоже справляется о здоровье. Право, мы Вас вспоминаем чаще, чем Вы думаете.

Не забудьте же Эфрана!

Ах, Русалка! . . Ах, Скупой Рыцарь! . . Ах, Борис Садовской! . .

34

15 декабря 1917
Москва

Дорогой Борис Александрович,
сердечное Вам спасибо за книжку.¹ Шла она ко мне без малого сто лет. Нужны ли Вам мои похвалы? Скажу все-таки, что есть в ней прекрасные стихи, — "Памятник", например. Холодновата она местами — да уж таков Садовской. Вероятно, ему и не надо быть иным.

Многое из того, что в ней сказано в смысле "политическом" (глупое слово), — как Вы знаете, для меня неприемлемо по существу. Но это все вопросы такие огромные, что о них поговорим при свидании. Не ругайте за то, что не побывал у Вас. Виноваты: хворь моя, Гершензон, говоривший: "поедемте вместе" да так и не собравшийся, гнусное житье вообще. Но я уверен, что мы еще с Вами не только наговоримся, но и надоедим друг другу. Не приедете — сам приеду, помяните мое слово. Дайте вот только перемолоться муке. Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. Но не России Рябушинских и Гучковых, а России Садовского и . . . того Сидора, который является обладателем легендарной козы. Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. И в конце концов монархист Садовской споется с двухнедельным большевиком Сидором, ибо оба они сидели на земле, а Рябушинские в кафельном нужнике. Не беда, если Садовскому-сыну, пра-правнуку Лихутина придется самому потаскать навоз. Только бы не был он европейским аршинником, культурным хамом, военно-промышленным вором. К черту буржуев, говорю я. Очень хорошо, если к идолу Садовского будут ходить пешком, усталыми ногами. Не беда, ежели и полущат у подножия сего истукана семячки. Но не хочу, чтобы вокруг него был разбит "сквер" с фешенебельным бардаком под называнием "Паризен" (Вход только во фраках, презервативы бесплатно). Сквер — штука скверная, это доказуемо и филологически, как видите. Туда ездят в автомобилях.

И кое-что из хорошего будущего мы еще с Вами увидим. А пока обнимаю Вас и прошу простить за сумбурное письмо. Пожалуйста, известите о здоровье.

Ваш Владислав Ходасевич

Нюра Вам шлет привет, помнит Вас и любит.

37

/Письмо напечатано на бланке, машинопись./

Издательство
Всемирная Литература
при
комиссариате народного
просвещения

Москва 24 марта 1919

Московское отделение

Знаменка, М. Знаменский пер. д. 8, кв. 10
Телеф. 2-56-47

Дорогой Борис Александрович,
конечно, Вам ничего бы не стоило хоть изредка уведомить меня о
своем здоровии, о том, что делаете, и проч. Да видно, Вам лень — ну,
и Бог с Вами. По бланку этого письма можете Вы судить о том, что есть
в Петербурге Всемирная Литература. Во главе ее стоит Горький, издает
она переводы, я наряжен править ее Московское Отделение, но все это
не любопытно. Есть тут у нас с Гершензоном затеи полюбопытнее,
но когда и чем они кончатся — одному Богу ведомо. Живем, как
полагается: все служим, но плохо, ибо хочется писать, а писать нельзя,
потому что служим. У Белого уже истерики,¹ у меня резиняция с
примесью озлобления.

Валерий² записался в партию коммунистов, ибо это весьма свое-
временно. Ведь при Николае II-ом он был монархистом. Бальмонт
аттестует его кратко и выразительно: подлец. Это не верно: он не
подлец, а первый ученик. Впрочем, у нас в гимназии таких были без
различия оттенков. Младший брат³ его вернулся из плена, изучив
там 666 языков, коим не может найти применения, ибо кроме него
на сих языках говорят одни католические миссионеры, побывавшие в
Центральной Африке. Но миссионеры съедены еще до введения карточ-
ной системы. Из сего благоволите заключить, что я не подобрел, а Саша
не поумнел.

Некий Абрамов издает в Москве журнал "Москва",⁴ двухнедельный, почтенный и скучный. Пишут в нем уважаемые покойники:
Валерий, Бальмонт, Ремизов, Блок, я. Если у Вас есть хорошенъкий
гробик червей на 300-400, то я уполномочен просить Вас присоеди-
ниться к нашему обществу. Получите не меньше, как по рублю за
червя, тотчас по прибытии гроба в кладбищенскую часовню, сиречь в
редакцию. Послать можете мне, кистер мне приятель. Это только
фасон говорить дурашный, а просьба серьезная и почтительная.

Меценат лавочку свою прикрывает. Служит экспертом по заключению договоров с авторами в Театральном отделе. Убили бобра!

Пишите мне, пожалуйста, о себе, пришлите рассказ, лучше всего по адресу Всемирной Литературы. Обнимая Вас, Нюра кланяется, Фемистоклюс тоже.

Ваш Владислав Ходасевич

36

/На бланке Всемирной литературы, машинопись/.

Москва, 3 апреля 1919

Дорогой Борис Александрович.

О состоянии Вашем давно я привык судить по почерку. На сей раз он очень меня порадовал. Да здравствует эшафот: оказывается, это панацея.

Жаль, что не хотите писать в "Москве". Но раз таков зарок, я, конечно, молчу.¹

Понимать я Вас, сколько умею, пойму: это лирически. А практически, простите, не беру в толк. Что жизнь надобно перестроить, Вы согласны. До нашего времени перестройка, от Петра до Витте, шла сверху. Большевики поставили историю вверх ногами: наверху оказалось то, что было в самом низу, подвал стал чердаком, и перестройка снова пошла сверху: диктатура пролетариата. Если Вам не нравится диктатура помещиков и не нравится диктатура рабочего, то, извините, что же Вам будет по сердцу? Уж не диктатура ли бельэтажа? Меня от нее тошнит и рвет желчью. Я понимаю рабочего, я по какому-то, может быть, пойму дворянина, бездельника милостию Божиего, но рябушинскую сволочь, бездельника милостию собственного хамства, понять не смогу никогда. Пусть крепостное право, пусть Советы, но к черту Милюковых, Чулковых и прочую "демократическую" погань. Дайте им волю — они "учредят" республику, в которой президент Рябушинский будет пасти народы жезлом железным, сиречь аршином. К черту аршинников! Хороший барин, выдрав на конюшне десятка два мужиков, все-таки умел забывать все на свете "средь вин, сластей и аромат".² Думаю, что Гавриил Романович мужиков в Званке³ дирал, а все-таки с небес в голосах раздавался.⁴ Знаю и вижу "небесное" сквозь совдеповскую чрезвычайку. Но Россию, покрытую братом Жанны Гренье,⁵ Россию, "благороженную" "демократической возможностью" прогрессивного выращивания гармонических дамских бюстов, — ненавижу, как могу. А боюсь, что молодежь

39

Ваша к тому идет. Вот что страшно. Я понял бы Вас, если б Вы мечтали о рестраврации. Поймите и Вы меня, в конце концов приверженного к Совдепии. Я не пойду в коммунисты сейчас, ибо это выгодно, а потому подло, но не ручаюсь, что не пойду, если это станет рискованно. Вот Вам и все.

Не правда, что Розанов⁶ умер с голоду. Его коллекция была у него. Я сам передал ему три тысячи, которые выпросил у Горького. Давали ему денег и еще какие-то лица и организации. После него осталось тысяч на 15 /пятнадцать/ бумаги (книжной); о каком же голоде можно говорить? Страдал он морально: этому верю и это уважаю. Еще страдал курьезно: от отсутствия кур и творогу. И это понимаю. Но от гурманской грусти до голодной смерти так же далеко, как от нас до добровольческой армии, в которой где-то находится Юрий Никольский.⁷ Все сии сведения, как о Розанове, так и о Никольским подтвердит Гершензон, который Вам шлет привет.

Анна Ивановна Вам пишет особо сегодня же. Эдгар учится в Единой трудовой школе. Таблицу умножения уже забыл. Снег швырять с крыши еще не научился. Это переходный возраст.

Вы буржуй, ибо пишете. Я вот так занят, что работать мне некогда.

Белого трудно поймать: поэтому, чтоб не откладывать письма, пишу Вам, еще с ним не повидавшись. Но надеюсь, что на днях ухватчу его за шиворот и заставлю Вам написать. Впрочем, заранее уверен, что он с Вами во всем согласен — вплоть до бдижайшего несогласия.

Ну, прощайте пока, пишите. Коли можно, пришлите стишков для чтения "в кругу семьи". Обнимаю Вас.

Ваш Владислав Ходасевич

37

Трудовая артель
"Книжная Лавка
Писателей"

Леонтьевский, 16

Москва, Апреля 4 1919 г.

Дорогой Борис Александрович!¹

Очень была тронута, получив Ваше письмо. Радуюсь ужасно, что Вы поправляетесь — авось Ваша будущая жена нам не помешает покататься еще на автомобиле.

В Москве жить очень плохо: холодно и голодно. Единственная моя отрада — это моя "лавочка".² Работаю в ней с большим удовольствием,

40

а по праздникам без нее скучаю. Все мое мировоззрение на людей зависит от их отношения к "лавочке". Так, например, ненавижу Кожебаткина — он предпочитает советские магазины, которые у него в издательстве покупают на тысячи, а мы только на сотни, а потому он нам не дает новых книг — такое хамство!

Вообще наша "лавочка" почти "Литер-худ. Кружок". Все московские писатели постоянно здесь бывают. Правда, их немного — уехали многие на Украину есть сахар — не люблю таких.

Красивые женщины тоже куда-то исчезли — должно быть тоже уехали на Украину. Серпинская очень подурнела и занялась спекуляцией. Вообще я нигде не бываю — трамваев вечерами нет, да и за день перевидаешь столько людей, что вечером хочется только молчать и думать. Встаю рано, ложусь рано и назло всем цвету и толстею. Немножко влюблена — в кого не скажу (только, Бога ради, не думайте, что "он" футурист — не-на-вижу их)!

Стихи почти не пишу. За то каждую строчку Владика научилась ценить — уж очень он у меня умен и хорош — и за что мне, грешнице, Бог такого мужа послал?!

Эдгар здоров, растет, учится в "трудовой школе" и летом со школой уезжает в детскую колонию в Полтавскую или Черниговскую губ. Очень стал самостоятелен и практичен — настоящее дитя нашего времени. Пишу это письмо в своей "лавочке" — прерывают каждую минуту, а потому очень извиняюсь за нелитературный стиль. Я здесь лицо нужное, недаром получаю 1500 р. в месяц. Ну, всего Вам хорошего. Очень я была довольна, что Вы меня вспомнили. Напишите еще, пожалуйста. Крепко жму Вашу руку — остаюсь дружески любящая Вас София Бекетова-Ходасевич.

/На бланке Всемирной Литературы/.

Москва 10 февраля
1920 г.

Дорогой Борис Александрович.

Я был бесконечно рад получить Ваше хорошее письмо. Признаюсь, что не писал Вам вовсе не оттого, что собирался "порывать" с Вами. Усталость, занятость, чрезвычайная трудность Московской жизни — вот действительные причины моего молчания. Признаюсь еще в том, что даже получив Ваше письмо, я не верил в возможность разрыва. То, что нас связывает, во много раз прочнее и неизменнее всего, что

могло бы разъединить. В некотором смысле у нас с Вами общая родина: "Отечество нам — Царские село".

Просить у меня прощения Вам почти не за что. Немного обидно мне было прочесть Вашу фразу: "Я не знал, что Вы большевик". Быть большевиком не плохо и не стыдно. Говорю прямо: многое в большевизме мне глубоко по сердцу. Но Вы знаете, что раньше я большевиком не был, да и ни к какой политической партии не принадлежал. Как же Вы могли предположить, что я, не разделявший гонений и преследований, некогда выпавших на долю большевиков, — могу примазаться к ним теперь, когда это не только безопасно, но иногда, увы, даже выгодно? Неужели Вы не предполагали, что говоря *Вам* о сочувствии большевизму, я никогда не скажу этого ни одному из власти имущих. Ведь это было бы лакейство, и я полагаю, что Вы не считете меня на это способным.

Ну, да все это пустяки. Поставим на этом крест — и конец. Еще очень рад я Вашему доброму душевному состоянию. Дай Бог, чтоб оно угублялось и крепло. Еще дай Бог — нам с Вами поскорее увидеться. Тогда, может быть, Вы услышите от меня слова, которые писать долго и трудно, но которые много Вам во мне объяснят, хотя, пожалуй, покажутся как будто противоречащими моему "большевизму".

В Вашем сборнике с удовольствием приму участие. Когда надо будет прислать стихи — черкните. На ближайших днях выйдет моя книга.¹ Тотчас, конечно, пришлю Вам.

Ваше письмо передал Белому в тот же день, как сам получил его от Гершензона.

"Ты сплетен ждешь, царица? — Нет их!"

— то есть и есть да скучные. Сплетен не стало, остались одни дела. Впрочем, как-нибудь на досуге посплетницаю. Жду подробностей о Вашем житье. Анна Ивановна Вас целует, Эдгар тоже. Все мы Вас очень помним и очень любим.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш всей душой

Владислав Ходасевич

О здоровье не пишете! Но радуюсь хорошему почерку.

Москва, 27 апреля 1920.

Дорогой Борис Александрович.

Вы, вероятно, негодуете на меня за молчание и неисполнение поручений. Но я не столь плох, как Вам кажется. Слушайте. Мне не

хотелось писать Горькому о Вашем деле: не по лености не хотелось, а по тактическим соображениям. Наконец, дождался я его приезда и в первое свидание сделал то, что мог. Посылаю Вам письмо Горького нижегородским исполкомщикам. Он говорит, что письмо (с которым Ваш батюшка должен *сам* туда отправиться и переговорить с *председателем Исполкома*) должно подействовать... Необходимое примечание: в начале горьковского письма сказано: "Прилигая при сем письмо гр. Ал. Садовского". Здесь подразумевается прилагаемая записка Вашего батюшки, которую я показывал Горькому. Пожалуй, будет лучше, если Ваш батюшка перепишет эту записку, оставив в ней все по-прежнему, но *смягчив редакцию* последней фразы (*но сохранив ее смысл*).

Согласно Вашему желанию, я совершенно не упоминал Горькому о Вас. Он только спросил сам, идет ли здесь дело о Вашем отце. Я сказал: "да" — и ничего больше.

Буду бесконечно рад, если Вам удастся уладить дело. Пожалуйста, известите меня о результатах.

Теперь второе. Никаких книг я Вам не достал. Книжную Лавку Писателей (из. кот. я, впрочем, вышел еще в сентябре), кажется, на днях прихлопнут. Там паника, безумные цены и отсутствие нужных книг. "Логоса" нет, изд. Сабашникова рублей по 600 за том и т.д. Однако, помню Вашу нужду и если что подвернется — добуду.

Теперь вот еще что. Думаю, что необходимо Вам стать членом нашего Союза.¹ Это дает кое-какие блага, *вроде охраны библиотеки*, а м.б., и пайка. На днях все частные книгохранилища, сверх 500 томов, будут изъяты от владельцев во всей России. Члены Союза получат охранные грамоты. Поэтому пришлите-ка заявление по след. форме.

Всероссийский Профессиональный
Союз Писателей

Такого-то, живущего там-то

Прошу принять меня в число членов Союза. Имею такие-то печатные труды (Перечислите несколько своих книг). Рекомендуют меня такой-то и такой-то (Две фамилии, лучше всего из числа следующих: Гершензон, Ходасевич, А. М. Эфрос, Ю. К. Балтрушайтис). Ваша подпись.

За необходимость "рекомендации" не вздумайте обидеться. Это формальность, необходимая по уставу для всех, кто не состоял в числе членов-учредителей. Было курьезно, когда мне пришлось "рекомендовать" Горького и Брюсова. Заявление пришлите мне. Я дам его подписать "рекомендателям" и передам куда следует. Настоятельно советую сделать это *как можно скорее*.

О себе сообщу только то, что лишь 2-3 дня, как встал. Пролежал 7 недель. Был у меня фурункулез: 40 нарывов во всем теле, один за другим.² Измучился и оброс бородой, что уморительно. Мои Вам

кланяются. Будьте здоровы. Очень по Вас соскучился.
Обнимаю Вас
Владислав Ходасевич
"Всемирная Литер", Знам, М. Знаменский, 8, кв. 10

40

Дорогой Борис Александрович,
Как нельзя более огорчило меня письмо Ваше, т.е. фраза в нем: "я очень плох". Убедительнейше прошу Вас: черкните, что это значит. Я не думал никогда, что Вы будете скакать козликом, но "я очень плох" – хуже моих ожиданий. Еще раз, очень прошу: напишите *обстоятельно* о своем здоровье.

Я все хвораю. 64 нарыва "посетили" меня. Изнурительно.

Еще вот что: мало благодарностей, это не важно, а важно то, чтобы отец Ваш чего-нибудь действительно добился. Сообщите о последствиях горьковского письма. Если оно не возымело действия, то не надо ли, чтобы отсюда кто-нибудь прикрикнул?

Заявление Ваше завтра передам Гершензону для подписи, а в пятницу – в Союз.

С Чулковым я не враждую, но – общего у нас мало, Вы знаете. У Профессорши скоропостижно умер профессор, от грудной жабы, тому назад с месяц.

Новостей нет. Из "Вс. Лит." я ушел, т.е. из заведующих, – очень устал. Однако, пишите мне на адрес "Вс. Лит" – ибо я собираюсь менять квартиру. Итак, Знаменка, М. Знаменский, 8, кв. 10, "Вс. Лит" – для Х-ча.

Будьте здоровы. Обнимаю Вас
Владислав Ходасевич

Анна Ивановна шлет привет самый дружеский.
25 мая 1920, вторник.

41

/Обрывок программы. На листке типографским способом напечатано:/

Программа
Хор трубачей 1 Донского Казачьего полка. Музыка играет ежедневно. Разные оркестры. Начало музыки в 5 1/2 и до 10 час. веч.

44

Сегодня
1 отделение

Марш Флора муз. Зауэр
Попурри из оп. Евгений Онегин Чайковского
Вальс Синий Дунай Штраус
Прогулка Калифа Турина

/На обороте листка карандашом почерком В. Ходасевича:/

Как если бы мы были гомоскуалисты¹

На бульваре у грека Вы яичницу кушали.
Вы жевали изысканно, — я за Вами следил.
Но галантного сердца Вы — увы! — не подслушали, —
Вы спокойно обедали у решетных перил.

А вдали золотилось пенсне Арцыбашевой,
Златотлела заря, зарумянив закат.
Вы смеялись пикантно улыбкой пусташевой,
Отпивая из чашки густой шоколад.

Владислав Ходасевич
Род. 1886 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Переписка двух поэтов и литературных критиков — В. Ф. Ходасевича и Б. А. Садовского — охватывает больше десяти лет. Они вместе учились в Московском университете на историко-филологическом факультете,¹ но в университетских аудиториях почти не встречались: учились оба с длительными перерывами, занятия посещали редко — живая литературная жизнь уже тогда целиком поглощала их.

Встречаться они могли на "средах" В. Я. Брюсова, в редакции журнала "Золотое руно", где оба бывали. Б. Садовской в своих "Записках" вспоминает "четверги" "Золотого руна" с шампанским. Впрочем история их знакомства скоро станет нам известна по воспоминаниям самого В. Ходасевича. В 1925 году, получив ошибочное известие о смерти Б. Садовского, В. Ходасевич написал некролог, в котором рассказал и о первых встречах, и о том, какой добрый и сердечный человек был Б. Садовской. Некролог этот разыскал американский исследователь русской литературы Дик Сильвестр и включил его в новое, дополненное издание книги В. Ходасевича "Статьи и воспоминания".

В 1906 г. Б. Садовской был уже признанным критиком и поэтом, "принятым" в литературу "самим" Брюсовым: его заметки и рецензии публикуются почти в каждом номере журнала "Весы", причем Андрей Белый во второй книге своих мемуаров "Начало века" называет его среди самых "боевых" сотрудников: "Шесть лет при боевых орудиях службу я нес с Садовским, Соловьевым".... И уже в те годы, по словам А. Белого, студентик "с походкой гвардейского прaporщика" признается "спецом" в технике ранних поэтов" и сам мэтр "был готов поучиться, внимательно вслушиваясь в Садовского, Соловьева"²...

В. Ходасевичу только однажды удалось опубликовать на страницах "Весов" рецензию. В "Золотом руне" он мечтал быть постоянным сотрудником и предлагал свои услуги в качестве секретаря. Но С. А. Соколов, "Гриф", приятель В. Ходасевича, ведавший в журнале литературой, вынужден был ответить отказом. Против — владелец "Золотого руна" Н. П. Рябушинский. Мотивы его отказа, которые Соколов приводит в письме Ходасевичу, достаточно характерны: во-первых, он (Ходасевич), не сможет отвечать по-французски авторам (журнал издавался на двух языках — русском и французском), во-вторых, он "привык всегда командовать служащими" и... — есть среди причин и такая — Марина (первая жена Ходасевича) будет отрывать от работы приходами в редакцию.³

Тем не менее, очевидно, начинающий литератор помогал С. Соколову в редакционной работе, потому что первое его письмо Б. Садовскому

написано на бланке "Золотого руна" и носит подчеркнуто деловой характер.

Затем следует перерыв в шесть лет, во время которого отношения молодых поэтов становятся ближе: московская литературная жизнь то и дело сталкивает их в редакциях, на заседаниях Эстетики, Литературно-художественного кружка. И когда петербургский журнал "Современник" пригласил Б. Садовского заведовать литературным отделом и он в 1912 г. переехал в Петербург, возникла потребность в переписке. С этого времени переписка В. Ходасевича и Б. Садовского делается регулярной, поддерживается встречами (каждый год, отправляясь весной в Нижний, Б. Садовской останавливался в Москве), отношения из приятельских перерастают в близкие, семейные. И Анна Ивановна Ходасевич торопится приписать к письму мужу хотя бы несколько милых слов.

Хотя за прошедшие шесть лет у В. Ходасевича вышел сборник "Молодость" и напечатана большая часть стихов, составивших второй сборник — "Счастливый домик", молодой литератор по-прежнему мечется в поисках заработка. Б. Садовской помогает ему, — то предлагая писать московскую литературную хронику в газете "Русская молва", где сам он ведет литературный отдел, то рекомендуя С. И. Чацкиной в журнал "Северные записки".

В эти годы В. Ходасевич обращается к Б. Садовскому как к старшему товарищу по ремеслу. И не только с литературными просьбами. У Б. Садовского спрашивает он совета, можно ли, не теряя уважения литераторов, издателей, опубликовать рассказ в газете октябрьистов "Голос Москвы".

Со временем характер отношений меняется. В. Ходасевич ощущает свою поэтическую силу, зрелость, укрепляется его литературное положение. Теперь он, всякий раз, как в этом является нужда, бросается на помочь Б. Садовскому, часто предупреждая просьбы.

Пожалуй, никакие опубликованные доныне письма В. Ходасевича не донесли до нас с такой полнотой всю историю дружбы, которая складывается на наших глазах, переживает свою кульминацию и охлаждение.

После 1920 г. В. Ходасевич не писал Б. Садовскому, не оставил о нем воспоминаний. Разве что мельком, при случае, упомянет он в "Некрополе", что Б. Садовской привел его к М. О. Гершензону или в очерке "Конец Ренаты" мы прочтем: "Борис Садовской, человек умный и хороший, за суховатой сдержанностью прятавший очень добре сердце, возмущался любовной лирикой Брюсова, называя ее постельной поэзией". И это — все. В то время как, обладая благодарной и щедрой памятью, одним друзьям он писал из-за границы, воспоминания о других составили книгу "Некрополь".

Б. Садовской вообще не упоминает В. Ходасевича в своих

"Записках", что нельзя объяснить условиями времени, эмиграцией В. Ходасевича, потому что, например, Б. В. Никольский, портрет которого он оставил в воспоминаниях, был, по утверждению исследователя Ш. Левина, расстрелян в 1919 г. по обвинению в контрреволюции.⁴ Б. Садовской о его судьбе знал и что это за фигура, представлял хорошо. Так что "внутренней цензурой", желанием опубликовать "Записки" отсутствие имени В. Ходасевича объяснить нельзя.

Кто же такой поэт и литературный критик Борис Садовской? Представить это тем более важно, что мы располагаем только письмами В. Ходасевича. Существуют как бы два лица, два портрета, две биографии поэта. Вот Борис Садовской, каким представляет его энциклопедия — профессиональный литератор, поэт и филолог, выступивший вместе с В. Брюсовым и А. Белым как активный борец за новую поэзию. Он родился 22 февраля 1881 года в городе Ардатове, умер в 1952 г. в Москве. Сын нижегородского историка А. Я. Садовского, он учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Успешно работал в литературе, печатая стихи, рассказы, повести, статьи, занимался исследованием Фета.

Но у Б. Садовского есть и другая биография — романтическая, какую он создал в своих "Записках". Написана она так, как если бы писатель задумал нарисовать биографию любимого героя. Ю. Айхенвальд, исследуя прозу Б. Садовского, назвал его "гусяром" и отметил, что он в своих произведениях раставрирует любимый им XVIII в., не только в психологии, быту, вещах — он создает "археологию природы".

В стихах и прозе Б. Садовской твердит, что будущее, живая жизнь, как в люльке, растет и мужает в старинных мелкопоместных усадьбах, здесь, за самоваром, таится от городского шума и суety, ждет своего часа Русь, завтрашний ее день.

Он не то чтобы придумал себе биографию: так же, как он создал псевдоним из собственной фамилии, слегка сдвинув ударение и изменив одну букву (Садóвский — Садовскóй), — перекентировав, сгруппировав особым образом эпизоды, детали, персонажи семейной хроники, он написал художественную биографию. И настолько вжился в нее, что современники отмечали в его облике начала века черты "преострого студента" и одновременно нечто архаичное, патриархальное: "лысинка метилась в желтых волосиках, в стиле старинных портретов, причесанных крутой дугой на виски..." (А. Белый "Начало века"). Андрею Белому вторит и Чуковский, который познакомился с Б. Садовским на 7-8 лет позже и которому эта "патриархальность" уже казалась стилизацией: "Любитель старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи, и даже бакенбарды у него были такие, какие носил когда-то поэт Бенедиктов." ("Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского", М., "Искусство", 1979).

В "Записках" Б. Садовской пишет о чуде рождения в ардатовских

лесах. Рядом, в соседях, проживал поэт русской старины Мельников-Печерский. Перед нами возникает портрет прадеда – Александр Лукич Лихутин, крутой капитан-исправник, которого смертельно боялись окрестные разбойники. Псовый охотник и медвежатник, он женился на собственной крепостной, не знавшей грамоте. Их портреты, писанные крепостным живописцем, освещали детство правнука. "Спесивый прадед с янтарным чубуком, в черном казакине, с подстриженными седыми баками; кроткая прабабушка в белом с голубыми лентами чепце."

Им посвятил Б. Садовской стихи в сборнике "Пятьдесят лебедей" ("Семейные портреты") : "Священной для меня памяти А. Л. и А. Н. Лихутиных", о них любил рассказывать. Не случайно в одном из писем В. Ходасевич обращается к нему, как к "праправнуку Лихутина" (сдвиг вглубь истории на целое поколение характерен). Своенравный помещик и кроткая крепостная, их многолетний союз для Б. Садовского символизировал крепость устоев дворянских усадеб, вросших корнями в историю, где дети вырастают на погостах прадедов, где живут среди вещей, принадлежавших предкам, где история как бы материально передается из рук в руки с часами, бисерными кошельками.

Дополняет картину портрет деда Ивана Ивановича Голова, участника Бородина и Кавказских баталий – задумавшись, он выбивал пальцами вечернюю зорю. Колоритны и фигуры соседей, словно бы сошедшие со страниц ранних повестей Алексея Толстого (кстати, Б. Садовской восторженно встретил прозу А. Толстого. См. его рецензию в журнале "Современник", 1912, № 4). Стоит совлечь эти фигурки с подмостков, из-под горячих "юпитеров" восторженного авторского взгляда – черты их грубеют, они на глазах превращаются в комических нелепых чудаков, своюнравных самодуров. Но Б. Садовской только изредка, только едва разрешает взглянуть на них трезвыми глазами – счастливо, вкусно описывает он чудачества бар, идиллию деревенских зорь, пастухов, "распевающих" на свирелях, выезды на охоту всем домом с провизией, удочками – на долгуше; закупки в Нижнем – сахару, мыла, свечей – на год, проб зеленого, краснеющего, цветочного чаю или замороженных французских булок зимой. Здесь, среди среднерусской природы, в толщах снежной тишины родилась у подростка страсть к поэзии XVIII века.

"Записки" – необходимый комментарий к творчеству Б. Садовского. Из этого материала – самоваров, портретов, дедовских луковиц, старинных книг – возникла его поэзия, и прежде всего сборник "Самовар" – лучшее из созданного им. В предисловии к сборнику он писал:

"Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. Как явление чисто-русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шопоте самовара чудятся с

детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, веселый призывный свист деревенской выюги. Этих голосов в городском европейском кафе неслышно.

/.../ И, конечно, не чай в собственном смысле рождает в нас вдохновение; необходим тут именно самовар, медный, тульский, из которого пили отец и прадед; оттого скаредный буфетный подстаканник с кружком лимона так безотрадно-уныл и враждебен сердцу. Самовар живое разумное существо, одаренное волей; не отсюда ли явилась примета, чтовой самовара неминуемо предсказывает беду?

Но все это понятно лишь тем, кто сквозь преходящую оболочку внешних явлений умеет ощущать в себе вечное и иное. Потребно иметь в душе присутствие особой, так сказать, самоварной мистики, без которой сам по себе самовар, как таковой, окажется лишь металлическим сосудом определенной формы, способным, при нагревании его посредством горячих углей, доставить известное количество кипятку.

Б. С.

31 декабря 1913. Владыкино."

В этом поэтическом манифесте "Владыкино" — не дань общепринятой традиции, но один из компонентов художественной эстетики Б. Садовского. Двумя годами позже, в предисловии к сборнику статей "Озимъ" писатель снова введет в книгу свой дом, усадьбу, село, как часть себя, и одновременно, как олицетворенную, наделенную именем собственным, часть российского пространства: "Хутор Борисовка (Садовской тож)", — напишет он под введением, назвав и приблизив к нам те "занесенные снегом поля", о которых писал. "...Эти строки я пишу в деревенском глухом затишье, среди занесенных снегом полей, в глубинах чистейшей тишины и легкого одиночества. Старорусская культура и здравый смысл, — единственные ценности, принесенные мной в родные дебри".

И когда Личадево, Ардатово, Владыкино, хутор Борисовка (Садовской тож), — славное воинство, которое он вел в бой "за старорусскую культуру", против цивилизации и футуристов всех мастей, — оказались взбаламученными революцией, когда пастухи, игравшие на свирелях, стали грабить усадьбы и таким образом разорвали, как казалось Б. Садовскому, вечный, веками освященный, мистический союз, — в тот час жизнь, поэзия — все для него рухнуло. Сначала он дал зарок молчания: он отказывается печатать свои произведения в журнале "Москва" (или каком-либо другом журнале). Но главное, утратив идею, владевшую его душой, утратив веру, он потерял голос. Он застыл; как человек, оглянувшийся на Содом и Гоморру.

Достаточно напомнить: до 1917 года у Б. Садовского вышло 12 книг, п о с л е — 2: "Морозные узоры" (1922) и "Приключения Карла

Вебера” (1928). Без идеи, одухотворяющей Б. Садовского (целостности дворянской усадьбы, некого атома, в котором крестьяне и помещики располагаются, как протоны и нейтроны, и все это скреплено таинственно, необъяснимо), проза его опустела, обмелела, события и эпизоды сцеплены произвольно, вяло.

И даже когда в 1917 г. поэт устами очевидца попытался рассказать о крахе мира, картина вышла не апокалиптическая, а игрушечная, стилизованная, как если бы Никита Балиевставил ”конец света” на сцене театра-кабарэ “Летучая мышь”. И дело не в том, что в сборнике ”Обитель смерти” одно стихотворение Н. Балиеву (”Часы Наполеона”), другое – актеру его театра В. А. Подгорному (”Вольтер на табакерке”), – и сюжеты стихов словно подсказаны ”заказом” театра-кабарэ, и разыграны они в стиле Н. Балиева – изящно, костюмно, и реквизит используется пышный бутафорский. Не обрел Б. Садовской в эти трагические дни того мощно-пророческого голоса, которым в 1917 году заговорил Максимилиан Волошин:

С Россией кончено... Но последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с Запада, Монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренno и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!⁵

Стихотворение невозможно прервать, оно и вырвалось на одном дыхании, до изнеможения голоса, и может послужить камертоном его правдивый и гневный звук.

Когда же Б. Садовской в стихотворении ”Конец” отпел Всероссийскую державу, он бряцал бутафорскими, ставшими за годы 1914-1916 мертвыми символами-образами:

Над всероссийскою державой
По воле Бога много лет
Шумя парил орел двуглавый
Носитель моци и побед.
Как жутко было с ним вперяться

Времен в загадочную мглу!
Как было радостно вверяться
Ширококрылому орлу!

.....
Россия, где ж твоя награда,
Где рай обетованных мест:
Олегов щит у стен Царьграда,
Словенский на Софии крест?
Когда-то венчанное славой
Померкло гордое чело
И опустил орел двуглавый
Свое разбитое крыло.

Этот набор образов: "британский лев", "галльский петел", "олегов щит", "словенский на Софии крест", "орел двуглавый" кочевал из стихов Вячеслава Иванова и Федора Сологуба в стихи Георгия Иванова и Сергея Городецкого, а оттуда шлепнулся на газетные листы и попал в холодные руки третьестепенных поэтов. И Б. Садовской не нашел иных слов, чтобы передать свою тревогу и горечь. И бессилен оказался изобразить "улыбку ядовитую", которой хотел отгородиться от "поздних варваров", их "гражданственных детей" и содеянного ими.

Хотя как раз стихотворение "Памятник" В. Ходасевич выделил, запомнил и, как мне кажется, много лет спустя, когда писал свой "Памятник" продолжил спор с Б. Садовским.

Не политическими разногласиями вызван был этот спор, как может показаться по письмам В. Ходасевича 1917-1919 гг. И не политические разногласия развели их. Спор шел о месте поэта в эпоху наступающего помрачения культуры, спор о том, что надо спасать.

В. Ходасевич на короткое время действительно поверил в очиистительную силу революции, в то, что она смоет, сдерет накипь буржуазного мещанства, отбросит от литературы безграмотных, самодовольных меценатов и дилетантов. И выиграет в конечном счете безвестный труженик Сидор — крестьянин или литератор-профессионал. Пожалуй, самым горьким разочарованием, вынесенным им из послереволюционной разрухи, было убеждение, что в России "нет воли к работе".⁶

К 1920 г. В. Ходасевич и Б. Садовской были уже очень близки в оценке политической ситуации в стране. Об этом свидетельствует и то, что вскоре оба приняли решение покинуть Россию. Б. Садовской сделал попытку уехать за границу в марте 1921 г., мотивируя ее необходимостью лечиться. Он просил А. Блока помочь ему добиться разрешения на выезд: "Я теперь неизлечимо болен, у меня сухотка. Четыре года лежал я пластом, живым трупом. Теперь мне настолько лучше, что я хоть и карандашом, но могу писать и двигаться с костылем по комнате (одну ногу я сломал в бедре). Утешаюсь тем, что Гейне было еще

хуже. ...От политики я далек, к физическому труду не приспособлен. И от выезда моего за границу Россия ничего не потеряет. Я думаю, что если Вы все это сами изложите Луначарскому, он с Вами согласится.”⁷

А. Блок, сам тяжело больной, помочь был не в силах. На конверте письма Б. Садовского он сделал пометку: “Так я и не написал Луначарскому. Убедил написать от Союза писателей.” Б. Садовской сам написал А. Луначарскому и получил решительный отказ. Из Нижнего Новгорода, где он в то время жил, добиться разрешения было чрезвычайно трудно.

К началу 1922 года и В. Ходасевич, по рассказу Н. Берберовой, тоже принял решение ”уцелеть” и это значило не только сохранить жизнь, но прежде всего сохранить себя как личность. Вот что пишет по этому поводу Н. Берберова: ”То, что ни за что схватят и посадят, и выведут в расход, казалось тогда немыслимым, но что задавят, замучают, заткнут рот и либо заставят умереть (как позже случилось с Соловьевом и Гершензоном), либо уйти из литературы (как заставили Замятина, Кузьмина и – на двадцать пять лет – Шкловского), смутно стало принимать в мыслях все более отчетливые формы.”⁸

Ответственность за Н. Берберову, присутствие ее рядом, конечно, помогли В. Ходасевичу принять самые энергичные меры, вопрос для него так и стоял: ”быть вместе и уцелеть” – ему удалось добиться выездных виз.

Политические разногласия не могли нарушить приятельства В. Ходасевича и Б. Садовского еще и потому, что ”политическое” для В. Ходасевича – величина ничтожно малая рядом с поэтическим. Он правдив и искренен, когда пишет, словно подводя итог своих отношений с Б. Садовским: ”Признаюсь еще в том, что даже получив Ваше письмо, я не верил в возможность разрыва. То, что нас связывает, во много раз прочнее и неизменнее всего, что могло бы разъединить. В некотором смысле у нас с Вами общая родина: ”Отечество нам – Царское село”.

Поэзия была для него единственной твердью в потрясенном, разрушенном мире, и так оставалось и когда в 1938 г. он писал о ”благодатном ямбе”, что он ”крепче всех твердынь России, славнее всех ее знамен”, и в 1922 году, в ту минуту, когда товарный вагон, увозивший его и Нину Берберову из России пересекал границу, и он сказал, что у него есть неоконченное стихотворение:

.....
России пасынок, о Польше
Не знаю сам, кто Польше я,
Но восемь томиков, не больше
И в них вся родина моя.

Вам под ярмо подставить выю
И жить в изгнании, в тоске,
А я с собой мою Россию
В дорожном уношу мешке.

Ему казалось, что "всю Россию" можно увести с собой с томами Пушкина. Так ему казалось в 1922 году. Еще меньше места "политическое" занимало в его жизни в юности, когда он не прошел со страной мрачный крестный путь "путем зерна". Когда читашь письма В. Ходасевича к Б. Садовскому и от них обращаешься к газетным листам, в которых печатались статьи и стихи В. Ходасевича, поражает четко и нагло проводенная граница между миром внешним и внутренним, куда почти не проникают политические бури, войны, забастовки, топливные и продовольственные кризисы. Зато все мелочи, сплетни, все, что связано с литературой и ее героями, порой совершенно незначительное — живо волнует обоих. Пожалуй, В. Ходасевич мог бы присоединиться к словам А. Ремизова: "Сплетня, — говорил тот, — очень нехорошая вещь — вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням".⁹

Для В. Ходасевича в его отношениях с Б. Садовским самое важное было "общая родина". Рядом с этим второстепенное значение имело не только "политическое", но и то, что В. Ходасевич к этому времени утратил иллюзии, созданные в раннюю пору этой дружбы, когда он видел в Б. Садовском не просто милого, сердечного человека — союзника по литературным поискам и устремлениям.

В. Ходасевич был очень одинок в эмиграции, — во всех воспоминаниях парижского цикла фигура его стоит особняком, не связана с другими. Когда И. И. Бернштейн (С. Ивич), знавший В. Ходасевича в 1921-22 гг. в Диске, петроградском Доме Искусств, пытался вспомнить его, он видел в коридоре ДИСКа, в длинной полосе света худую фигуру в черном фраке (ох, этот вечный, множество раз перещиваемый черный фрак с адвокатского, братского плеча М. Ф. Ходасевича!), снова одного, хотя в ДИСКе все жили кучно, тесно, молодо. Таким же одиноким чувствовал он себя в юности среди литераторов, сбивавшихся в стаи — символистов, акмеистов, футуристов, — и гнезда: "аргonautов", "грифят", "перевальцев", к числу которых он, казалось бы, примыкал. В. Б. Садовском он ценил то же одиночество, тот же воинственный традиционализм, поэтическую консервативность.

Но в молодости В. Ходасевич тосковал без "сверстников", и он их искал. "Не собираетесь ли в Москву? Приезжайте, ежели можно. Я живу без сверстников. Это скучно." — пишет он Б. Садовскому. У В. Ходасевича не было друга ближе Муни, но безжалостная требовательность Муни к его стихам подавляла, и я думаю, отъезд Муни в 1914 г. В. Ходасевич воспринял с тайным чувством освобождения.

"Я знал, что как ни полезна мне Мунина строгость, все же в конце концов она меня и задушит", — признавался он позже, в "Некрополе".

Как радовался он возможности выпускать журнал совместно с Б. Садовским: "дружеская редакция Б. Садовского и В. Ходасевича" — вот главная идея этого издания. Журнала еще нет, но ему не терпится обсуждать шрифт, оформление вдвоем, в Гиреево, он хвастает им среди журналистов: "А вот как будет у меня с Садовским "Галатея" — так и отведем душу".

Сближает их в эти годы многое. Сближает интерес к поэзии XVIII-XIX вв.: оба пишут статьи и исследования о Державине, Дельвиге, Каролине Павловой, Пушкине, — статьи не юбилейные, хотя порой они и появляются в юбилейные дни. Сближает и критическая деятельность: оба ведут литературные отделы в газетах, В. Ходасевич в московских: "Голос Москвы", "Русские ведомости", "Столичная молва", "Утро России" и др., Б. Садовской — в петербургских: "Русская молва", "День", "Речь", "Биржевые ведомости" и т.д. Те же литературные явления и фигуры задевают их внимание, те же поэты и писатели становятся объектом статей и рецензий.

Оба пылают к футуризму ненавистью, рожденной пушкинской влюбленностью в слово, его ясность и гармоническую точность, равновесие смысла и звучания; рожденной уважением к культуре, с которой футуристы обращались запанибратами. Разрыв с традицией, с преемственностью культуры В. Ходасевич воспринимал трагически, куда более трагически, чем революции политические.

Как он радовался, как торжествовал, когда обнаружил, что "Игорь Северянин не свалился с Луны, не вышел из морской пены, не родился из головы Зевса, как Паллада Афина. У него есть определенная поэтическая родословная. "Футурист", — он тем не менее сам готов признать влияние, оказанное на него уже скончавшимися поэтами: Миррою Лохвицкою и Фофановым. Критика, которой еще только предстоит высказаться об Игоре Северянине, несомненно прибавит сюда еще несколько имен и прежде всего — Андрея Белого, Александра Блока, Валерия Брюсова в начале его поприща, а, может быть, и безвременно погибшего Виктора Гофмана" ("Русская молва", 1912, №17, 25 декабря).

Футуризм был личным для Ходасевича оскорблением. Это видно и по конспекту автобиографии, который набросал он для Нины Берберовой на куске картона перед отъездом из России. Под цифрой 1914 год он написал: "Футуристы. Пьянство. "Счастливый домик". Игорь Северянин. "Русские ведомости". "София". Война".

Слепая ярость, с которой встретил он появление футуристов, заставила В. Ходасевича отослать оскорбленное письмо в Эстетику, допустившую, чтобы его стихи прозвучали в один вечер со стихами В. Маяковского. Слепая эта ярость не утихнет и много лет спустя,

сделает его грубым, несправедливым. Трудно поверить, что строгому, сдержанному, насмешливому критику принадлежат слова: "Лошадиной поступью прошелся он (В. Маяковский – И. А.) по русской литературе и ныне, сдается мне, стоит уже при конце своего пути. Пятнадцать лет – лошадиный век". "Декольтированная лошадь" называлась статья В. Ходасевича. И в самом названии легко расслышать отзвук страстей 1913 года: "...декольте Маяковский". Словно раскаленный гнев его вылился в определенную форму и застыл, хотя сам он за эти годы изменился и изменился самый звук его голоса. Снова, еще раз он упрямо повторит эти слова в статье на смерть Маяковского, поместив их рядом с предсмертным письмом поэта. Даже Хлебникова не захочет разглядеть он за фигурой Маяковского, – а ведь В. Ходасевич был прозорливым критиком.

Он мирился с "самовитым словом", не видя, впрочем, у этой литературной школы будущего, но он не мог простить Маяковскому подмены отсутствия содержания вульгарным содержанием, не того даже, что Пушкин и Лермонтов сбрасывались с корабля современности, а того, что на пиратском этом корабле вместо флага развевались "подтяжки имени Семашки". Наконец он не мог простить В. Маяковскому и того, что грубость и наглость в его поэзии стали нормой эстетической. Но футуризм и Ходасевич – тема особая и в схематическом изложении выглядит излишне прямолинейно.

Столь же яростно, наотмашь брослася в бой против футуристов Б. Садовской, не прощая и своему учителю В. Брюсову заигрываний и похвал.

Любопытно также отметить, что в книге "Ледоход" среди статей о Лермонтове, Языкове, Ремизове Б. Садовской поместил портрет своего недавно умершего друга, малоизвестного поэта Ю. А. Сидорова,¹⁰ знакомого ему со студенческой поры. Он как бы включил его в движущийся непрерывный литературный процесс. Автором владела потребность открывать подлинные, не ретушированные историей лица писателей, потребность разрушать легенды (и создавать свои, новые). Он подверг сомнению миф о предсмертных минутах Белинского, который, умирая, просил, чтоб в гроб ему под голову положили последнюю книжку "Современника". "Несчастный: неужели не знал он, какие священник вложит ему в мертвую руку несравнимые по силе и красоте слова..." – спрашивал Б. Садовской. Ему хотелось повернуть литературу, заглядевшую в свое отражение, завороженную им, – к жизни, современности. Ю. А. Сидоров больше всего привлекал его потребностью ощутить жизнь во всей полноте: "Живу я теперь одной фразой Достоевского, утешающей фразой: "Жизнь надо любить прежде смысла". Чуть-чуть изменяю: "и помимо смысла"... Поиски юноши, мало успевшего сделать в поэзии, по мнению Б. Садовского, выражали насущную потребность времени.

И так же много лет спустя, выстраивая свой "Некрополь", В. Ходасевич среди памятников литературы "серебряного века" оставил портреты Нади Львой, Нины Петровской, Муни, жизнь которых выражала эпоху символизма, ее дух.

После случайной глупой смерти Юрия Сидорова (от дифтерита) Б. Садовской собрал и издал стихи друга.¹¹ В. Ходасевич сразу же после гибели Муни подготовил его книгу стихов и статью о нем. Книга повторила трагическую судьбу автора, ей не суждено было увидеть свет. Дважды сдавал ее В. Ходасевич в издательство, и всякий раз события исторические грандиозные вмешивались и мешали ее появлению: Первая мировая война, затем революция и крах маленького частного издательства "Эрато", которому В. Ходасевич доверил рукопись, уезжая за границу. И все-таки не оставляет надежда, что книга не погибла и лежит где-нибудь в архивах или коллекциях любителей "легким бременем". Стихи Муни могли устареть, но дух его, его искренний, мятущийся голос, что жив в письмах, я уверена, пробьется и найдет отклик у современного читателя. Кроме того, без Муни, без его стихов не написать биографию В. Ходасевича, не прочесть его раннего творчества: в стихах и прозе Муни, в короткой его жизни хранится ключ и к некоторым произведениям и к особенностям характера его друга.

Черточки близости легко подметить и в поэзии Б. Садовского и В. Ходасевича 1912-1914 гг.: интимная, подчеркнуто-домашняя интонация и темы (пение самовара у одного перекликается с треском "сверчка запечного"; самовар – своеобразный божок домашности у Б. Садовского, мыши – у В. Ходасевича). С интересом ждали они произведений друга друга, и немедленно откликались на появление книг рецензиями. Хотя часто, очень часто, ожидания оказывались обманутыми. И тогда дружеские чувства и дух уважения проявлялись в том, что они предъявляли полную меру требовательности к книгам друг друга и судили их без снисхождения, самым высоким судом. Только к 1916, поняв размеры дарования, ограниченные возможности Б. Садовского, В. Ходасевич стал уклоняться от оценок и отныне мерил стихи е г о мерой: "Холодновата она местами – да уж таков Садовской. Вероятно, ему и не надо быть иным."

Иллюзия близости, поманив, растаяла; остались сердечные, семейные отношения, откуда и взглянул В. Ходасевич на "тиняковскую историю" и участие в ней Б. Садовского: "Но почему-то не хочется (а не нельзя) судить Вас строго".

"Тиняковская история", на мой взгляд, характерна и для начала XX века, отравленного искусством имморализма, но еще больше важна она для нас, поэтому нескольких строк, сказанных в примечании, недостаточно, чтоб оценить происшедшее.

Б. Садовской был очень близок к славянофильству в той его форме, каким сложилось оно в годы Первой мировой войны и докатилось

до наших дней, воплотившись в руситов. Попытки этой группы удержать покачнувшуюся Вавилонскую башню Российской империи, толкали ее к правым, облеченым государственной властью. Вместе с верой в особую миссию русского народа и верностью самодержавию, исповедовали они антисемитизм и недоверие к интелигенции. В той или иной форме линии эти присутствовали в мироощущении Б. Садовского, может быть не как политически оформленная программа, а в форме образно-поэтической.

Но у Б. Садовского была своя тень – А. И. Тиняков. Тиняков пишет Б. Садовскому примерно в то же время, что и В. Ходасевич (1912-1915 гг.), письма его сохранились, и таким образом мы видим Б. Садовского как бы с двух сторон, точнее мы видим его отражение сразу в двух зеркалах, причем в письмах А. И. Тинякова и в письмах В. Ф. Ходасевича отражаются совершенно разные черты Б. Садовского. Надо сказать, что того своего облика, что выплывает из глубины переписки с Тиняковым, сам Б. Садовской порой не узнает и пугается.

Имя Тинякова появляется в письмах В. Ф. Ходасевича сразу же, и проходит через годы: он становится третьим постоянным (хотя и второстепенным) персонажем переписки. Он и в жизни прошел как бы м е ж д у н и м и, в период "Грифа" и "Перевала" находясь в приятельских отношениях с В. Ходасевичем, а в 1912-1915 -- в дружеских с Б. Садовским.

В юности В. Ходасевич относился к нему с симпатией. В архиве А. И. Тинякова сохранились обрезки страниц с дарственными надписями, среди них – и от В. Ходасевича: "А. И. Тинякову Владислав Ходасевич на добрую память. 1908, ноябрь". Очевидно, надпись сделана на сборнике "Молодость". Обрезки с дарственными надписями чрезвычайно характерны: А. И. Тиняков, запойный пьяница, книги, вероятно, продавал, оставляя себе памятные полосочки.

Б. Садовской по доброте сердечной принимал в судьбе Тинякова ближайшее участие: он помогал ему деньгами, одеждой, рекомендовал издателям и редакторам как талантливого автора. Трогательно наблюдать, как верно следует А. И. Тиняков за Б. Садовским в своем путешествии по газетам и журналам. Уезжая в Нижний, Б. Садовской оставлял приятеля под опекой друзей – В. Юнгера, А. Конге. Юнгер слал ему подробнейшие отчеты о состоянии и здоровье Тинякова, вытаскивал его из пивных, записывал стихи, видя в нем российского Верлена; советовался с врачом, когда запой привел Тинякова в больницу.

Очень сблизили Б. Садовского и А. Тинякова ночи 1914 г., проведенные в "Бродячей собаке". Ночам этим Б. Садовской посвятил шутливое стихотворение, главным героем которого сделал Тинякова:

Прекрасен поздний час в собачьем душном крове,
Когда весь в фонарях чертог сиять готов,
Когда пред зеркалом Кузьмин подводит брови
И семенит рысцой к буфету Тиняков.

Прекрасен песий кров, когда шагнуло за ночь,
Когда Ахматова богиней входит в зал,
Потемкин пьет коньяк и Александр Иваныч
О махайродусах Наградской рассказал.

Но вот уж близок день; уж месяц бледноокий,
Как Конге щурится под петушиный крик,
И шубы разроняв, склоняет Одинокий
Швейцару на плечо свой помертвельй лик.

К экспромту следует примечание автора: "А. И. Тиняков (Одиночный) был постоянным посетителем кабачка."

А. И. Тиняков – поэт, ныне забытый, содержанием своего творчества сделал самоуслаждение темными сторонами человеческой природы. З. Ходасевич не случайно рядом с его именем назвал имя Раскольникова – героя Достоевского. Он и был живым персонажем романов Достоевского, "человеком из подполья". Современникам он запомнился самыми ранними стихами, напечатанными в альманахе "Гриф":

Любо мне плевку-плевочку
По каналу проплывать...

(Интересно свидетельство Н. Берберовой о том, что строки эти любил повторять Г. Иванов, подлинный духовный ученик Тинякова, сумевший из распада личности создать стихи большой силы.)

В воспевании физических радостей, радостей тела и желудка, Тиняков поднимается до пафоса. С упоением описывает он пьяное желание к старухе-нищенке, жалкую дрожь любви в подъезде. Он отвергал, высмеивал любые моральные ценности. В 1914 году в "Искренней песенке" он писал:

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь.
Только всего и желаю
Бражничать блудно да есть.

Только бы льнули девченки
К черту пославшие стыд,
Только б водились деньジョンки
Да не слабел аппетит.

А в следующем, третьем своем сборнике “Ego sum qui sum” поэт отбросит в сторону слабое, необязательное “я” и создаст обобщенный образ “Homo sapiens” (так и называется стихотворение), характерными, видовыми свойствами которого назовет имморализм и простейшие физические потребности (“двуногое животное”):

Существованье беззаботное
В удел природа мне дала:
Живу – двуногое животное, –
Не зная ни добра, ни зла.
.....
В свои лишь мускулы я верую
И знаю: сладостно пожрать!
На все, что за телесной сферою,
Мне совершенно наплевать.

Это не эпатаж, не вызов, не литературная маска, не стилизация под мещанина, ставшего своеобразным “героем” прозы 20-х годов и запечатленного в булгаковском “Собачьем сердце” или в рассказах М. Зощенко. Тот же голос, те же мысли, того же героя в полный рост узнаем мы и в письмах А. И. Тинякова:

“Если бы я имел много денег, я бы каждый вечер сидел в ресторане с публичными девушками, ел бы очень хорошую пищу и пил бы массу вина! Вы сурохо отнеслись ко мне за этот мой ”цинизм”... Но какой же это цинизм? Просто человек изголодался во всех отношениях и ему хочется всласть пожить брюхом и половым членом!” (26 сентября 1914 г.).

“...Я ненавижу и презираю так называемую ”женскую личность”, женский ”ум” мне противен, женское ”я” для меня омерзительно. Единственное, что мне нужно и *必不可* – это женское мясо. Влюбиться уже я не могу, и мне для сожительства совсем не нужна какая-нибудь барышня из общества, которую нужно прельщать чистыми подщтанниками и наодеколоненной жопой. Вот здесь, на Васильевском, в Лифляндской кухмистерской есть служанка Минна... Что за мясо! Какие формы! Приобрести бы такую бабу и можно бы было ”отводить душу”... А кто лучше природной кухарки может ведать хозяйственную сторону жизни? И где нужна женщина, кроме спальни и кухни?” (2-3 октября 1914 г.).

Читая письма А. И. Тинякова, порой приходится напоминать себе, что он был образованным человеком, изучал поэзию Тютчева, издал сборник его памяти. Наконец он был собеседником А. Блока: А. Блок не раз заносит имя Тинякова в Дневники и Записные книжки. Его ценил А. М. Ремизов, который, кстати, и предложил Тинякова в числе сотрудников Б. А. Садовскому, когда тот начал работать в газете

”Русская молва”.

И понимаешь, какое чувство жалости к себе мог возбуждать этот человек, и сам испытываешь сочувствие, читая признание А. И. Тинякова: ”Вот, например, Вы пишете, что ”уединение и одиночество – благо”. Между тем – это два разных явления. Уединение – это нечто добровольное: устал человек от людей и уединяется до тех пор, пока ему это приятно. Одиночество же, наоборот, – нечто насильственное, неустранимое. Например, сижу я вечер за вечером один в своей комнате и знаю, что могу просидеть сто вечеров и никто ко мне не придет. А я, понимаете ли, задыхаюсь от этого, потому что я живу только тогда, когда я с людьми, а не один. Попадая в больницы, я прямо выездоравливал оттого, что спал в общей палате и садился обедать с людьми, а не один. Пускай даже грязные, сумасшедшие, – но не один, не один!” (2-3 октября 1914 г.).

Казалось бы, у Тинякова был свой ”символ веры”, и слова, дорогие ему, и слезы, что выжимались не только из жалости к себе, но и при мысли о величии самодержавия. Как горячо бросается он поздравлять Б. Садовского, взволнованного радостью встречи с монархом, с царской семьей. ”Невыразимо отрадно пережить то, что пережили Вы, особенно в наши дни, когда гнусный жидовский демократизм въелся в тело насчастной России, когда забыты мудрые заветы Достоевского и Ницше, Карлейля и Ренена...” (14 июля 1913).

Ревниво печется Тиняков и о чистоте русского мужика и бросается спасать ее от разворачивающего влияния цивилизации: ”...вчера вечером соседка-помещица рассказала мне, что в ближайшем к нам селе поп хочет завести кинематограф для мужиков. И я уже собираюсь писать архиерею, губернатору и в местную газету Союза Русского народа. Думаю также натравить на долгогривого шабесгоя моего отца, местного протоиерея, и вообще благомыслящих людей околодка”. (27 мая 1914).

И как быстро облетела с него латынь, и европейские одежды, и русский дух, стоило задеть его личные интересы. Остался оскаленный мещанин, мещанин обыкновенный. Как стыдно читать ”Исповедь” А. И. Тинякова, где он, словно напроказавший гимназист, публично винит во всем Б. Садовского, подбившего его на ”плохое” поведение. Как злобно, мстительно (и вдохновенно! – можно добавить: вслушайтесь только в ритм его письма, не лишенного своеобразной поэзии) угрожает он своему недавнему другу и благодетелю:

”...Бог Вас знает, за что Вы желаете истребить меня из литературы! Я Вам зла не делал и не желал, а Вы разным паршивым жуликам рассказали что-то про какую-то ”Земщину”, – и они этим уже начали пользоваться в своих низких целях. Те, кому Вы это рассказали – прирожденная чернь, холопы хозяйственного рубля, косные тушицы, все-сторонняя обозная сволочь. А мне стыда от этого не будет, ибо я

органически выше и шире партийных и газетных перегородок. Сознаю в себе, как святыню, мою Арийскую душу и не могу загнать себя ни в какую жидовскую каморочку. Может быть, для Ауслендера "День" и "Земщина" — крупные явления, а для меня это просто газеты, которыми я не прочь при случае воспользоваться в целях добрых и общественно-полезных. И вот Вы — ученик и поклонник Фета, — стали на сторону газетной рвани! Не могу я этого осмыслить, тем более, что этим Вы грозите вырвать у меня последний кусок хлеба. Но Вы забыли, что Вы сами черносотенец и юдофоб, что Вы познакомили меня и с Никольским и с Розановым, и что у меня есть копия письма Б. Никольского к Вам по поводу одной статьи. А когда Вы у меня будете хлеб отнимать, я буду бороться, как зверь, как гад и как дьявол — вместе!" (6 июня 1915 г.).

В. Ходасевич дал А. И. Тинякову точную оценку: паразит, и именно не в бранном — физиологическом смысле. Паразитизм его проявлялся не только в отношениях с людьми, но и со временем, как мы видели: в эпоху 1905 года он был эсэром, во время мировой войны — крайним правым, в 20-е годы распространился слух, что он в Казани работал в Чека. Об этом пишет В. Ходасевич в очерке "Дом Искусств". И совершенно не важно, справедлив ли этот слух, работал или не работал Тиняков в Чека — важно, что никому это не показалось удивительным. Но судя по очерку, в котором упоминается А. И. Тиняков, в 20-е гг. В. Ходасевич относился к нему с презрительным любопытством — и только. Он не предугадал всех размеров этого явления, просто отшвырнул его от литературы, не предполагая, что тот прорастет на развалинах русского некрополя, и будет вспоминать в газете "Последние новости" о своих встречах с А. Блоком и В. Брюсовым, а при случае упоминает, каким ярым черносотенцем был Борис Никольский и подчеркнет с достоинством: "...свойственный мне демократический "мужицкий" дух и мое исконное недоверие к интеллигенции сделали для меня Октябрьскую революцию вполне приемлемой..."¹²

Тиняков мог жить в любых условиях, при любом строе, писать, что угодно. Он был цепок, беспричинлен, честолюбив и заключал автобиографию словами: "Несмотря на то, что ни одно из моих литературных выступлений не имело до сих пор настоящего успеха, я твердо верю в мои силы и убежден, что если не умру внезапно, то добьюсь настоящего признания, тогда как многие искусственно раздувые теперь "имена" лопнут, как мыльные пузыри."¹³

"Исповедь антисемита" далась ему без малейшего труда. Даже напротив: рассвободила, позволила отныне выступать без маски, позволила ощутить себя героем, бьющимся за дело "правых" с открытым забралом. В письме к А. А. Блоку 20 апреля 1916 года чувствуется упоение ролью человека, отказавшегося от личной литературной карьеры, ради укрепления литературного отдела в правой прессе.

”...надо бить по врагу и по его союзникам без пощады, памятуя лишь об одном: о правде и величии того дела, за которое сражаешься. В битве не до красивых жертв и не до благородных слов и вступая в борьбу по-настоящему, человек должен быть готов к тому, чтобы спознаться и с грязью, и с ложью, и с чем угодно, лишь бы душа не утонула в этом, а что сверху налипнет на нее всякая дрянь, — так это пусть: *в час победы или смерти все отмоем.*”¹⁴

Б. А. Садовской отнесся к этой истории трагически. Он чувствовал себя погибшим, опозоренным, жаждал сочувствия и утешения. Утешения он искал и у В. Ф. Ходасевича. Не нужен ему был суд, пусть дружеский и правый. Мне кажется, ”тиняковская история” провела глубокую и непоправимую трещину в их отношениях, точнее в отношении Б. Садовского к В. Ходасевичу. Насколько болезненно отнесся Б. Садовской к литературному скандалу видно по тому, что в воспоминаниях о А. Блоке, написанных в 1946 году, он снова возвращается к эпизоду 1915 г. ”Незадолго перед этим я сделался жертвой литературной сплетни, родившейся в одном из петербургских еженедельников. Ни оправдываться, ни звать обидчика в суд невозможно: очень уж грязен уличный журнальчик. Никто, разумеется, этой клевете не поверил. Но мне по неопытности все мерещится, будто я погиб и моя репутация запятнана навеки. Теперь мне смешно, а тогда я страдал не на шутку. Знал ли об этом Блок? Вероятно. Когда я встал, чтобы проститься, он неожиданно в первый и последний раз поцеловал меня. Как нежен был этот дружеский поцелуй!”¹⁵

Остается загадкой, почему он считал себя невиновным в том, что сводил А. И. Тинякова с Б. В. Никольским, с ”Земщиной”, что считал клеветой. Так сильно хотелось отвернуться, ”забыть”, получить милосердный, прощающий, грехи отпускающий поцелуй?

Возможно, что ”тиняковская история” лишил раз заставила Б. Садовского поверить в справедливость своих убеждений: ”Русская интеллигенция оттого так и любит жидов, и взаимно жиды русскую интеллигенцию, что и та и другая лишены родины, отечества. — писал он в 1899 г. — Интеллигенция оторвана от почвы, ненавидит русские начала, жиды им верные союзники. Симпатия их сходства.”

Еврей по крайне мере наполовину, В. Ходасевич интеллигентом был всецело, и откликнулся на ”тиняковскую историю” как подлинный интеллигент, проявив и твердость и доброту, которую Б. Садовской в своей обиде оценить не сумел.

При этом Борис Садовской был человеком чистой души, наредкость цельным, никогда не приспособлялся к власти и судьба его сложилась трагически, хотя он не сидел в лагерях, а дотянул до старости в Новодевичьем монастыре.¹⁶

Он рожден был с душой старинного письма. Мы видим, как меняется В. Ходасевич. Б. Садовской (как часто случается с людьми

ограниченными) не менялся. Когда держишь в руках его детские дневники, оттуда глядит тот же Борис Садовской, каким мы знаем его и в 20, и в 30 лет. Тринадцатилетний мальчик просто и естественно, к случаю, вспоминает строки Ивана Ивановича Дмитриева: они выражают его живые чувства; он заверяет, что вслед за Шишковым "желал бы, чтобы все иностранные слова были выброшены из русского языка и заменены чисто русскими".

Дневник 1894 года начинается записью: "1 марта. Я вчера не ходил учиться и не пойду нынче, потому что хвораю чесоткой. Вечером я писал стихи об Александре II, но, уже написав, вспомнил, что сегорня день его кончины". Это и смешно и трогательно сразу: чесотка и стихи об Александре II, а через несколько лет явится продолжение: "Завтра – Священный день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича. Я горжусь тем, что нахожусь под властью самодержца, а не паршивого королишки, который слова не может пикнуть без согласия своего рейхстага или парламента, дающего ему средства на жизнь, не под властью взбалмошной республики, глупейшего государства в мире, а САМОДЕРЖЦА, помазанника Божья, отцы, деды и прадеды которого властвовали также и над нашими предками". Еще в отроческие годы раз и навсегда он отводит место женщине в детской "штопать чулки и нянчить детей".

Даже темы его стихов закодированы в раннем детском опыте: нестерпимым блеском сияет в дневниках самовар – привычный домашний, когда выпиваешь за вечер семь чашек чаю; и самовар у тетушки в гостях: она опускает в чай дольки апельсина; самовар на балконе деревенского дома, после того, как собрана корзина ягод, и узорчатый самовар в гостях у нувориша, соседа по даче, под крики: "Пренэ!", "Анкор!", где коробка мармелада и дорогое платье хозяйки дополняют чаепитие. И обрывается дневник четырнадцатилетнего мальчика на том, что он подрядился за три рубля копать ямы у дяди в саду, потому что мечтает купить на ярмарке собственный маленький самовар.

Б. Садовской вырос и сложился в провинциальном русском укладе, он врос в этот уютный и косный быт, который сделал темой и содержанием своего творчества. Архаичным он казался своим современникам. И критик А. Измайлов в своих пародиях на "Семейные портреты" подчеркивал, обнажал "ретроградство" поэта:

...Секунд-майора дочь Сандулия Петровна
С собою принесла тысяченок пятьдесят,
Мандрыковку и Плесс. Вы, сидя в них, любовно
Пороли крепостных и холили щенят.¹⁷

Какими же архаичными и враждебными по духу показались его произведения редакторам "Красной нови" и "Красной нивы", редакторам советских издательств, куда Б. Садовской рассыпал свои рукописи и неизменно получал отказы. Рецензенты писали: "Получается, может быть, и помимо желания автора, некая апология дворянства", "Рассказ написан вполне литературно и неплохо. Но тема старая, много раз использованная в старой дворянской литературе".

Издательства отклонили "Записки", отклонили роман о Софье Перовской "1 марта", один за другим отклоняли стихи и рассказы. В. В. Вересаев, к которому Б. Садовской обращался с просьбой пристроить его произведения в журналы, писал смущенно: "Беллетристику не берут, говорят, старо. Не понимаю, почему. А насчет "Н. Н. Пушкиной" я очень сконфужен: когда слушал стихи в чтении, не заметил, что там все Бог и Господь. А этих слов все нынешние редакции боятся еще больше, чем в прежние времена черти — ладана" (20. III. 1926).¹⁸

А то немногое, что удалось опубликовать, сделано руками и стараниями друзей, которых всегда вокруг Б. Садовского было много. Книга "Морозные узоры" вышла только потому, что Г. П. Блок, нежно привязавшийся к Б. Садовскому, оказался пайщиком издательства "Время"; несколько стихотворений напечатали журналы благодаря рекомендации В. В. Вересаева. А главы из "Приключения Карла Вебера" попали в руки С. А. Клычкова, приятеля петербургской юности: в 1928 г. он работал в журнале "Красная новь" и отрывок из романа дал с радостью. И все. Дальше — глухая, непробиваемая стена, молчание.

После того, как вышел роман, Б. Садовской изредка выступал с публикациями: один журнал напечатал письмо А. П. Чехова начинающему поэту, другой — воспоминания о Горьком. Жил он на пенсию, и хотя пенсия была персональной (все тот же В. В. Вересаев и М. Цявловский выхлопотали), а все равно трудно. Жил под знаком слова "конец". Так называлось стихотворение, завершающее последний сборник стихов Б. Садовского "Обитель смерти". И последний прижизненно напечатанный роман "Приключения Карла Вебера", герой которого — великан путешествует по Германии с комедиантами, теряет на войне глаз, два года томится в турецком плена, попадает с послыством в Россию, женится здесь на карлице и отправляется на корабле на север — кончался словами: "Сердце переполнилось счастьем. Счастье — смерть".

Но может, радоваться надо, что имя его на долгие годы было вычеркнуто из литературы, стерто, что рассказы и повести не печатали, иначе его уничтожили бы в 1937 году, как Сергея Клычкова и многих других, а на болезнь не посмотрели бы. Ведь именно на Бориса Садовского, уже после того, как был он похоронен на Новодевичьем кладбище, обрушился критик Б. Соловьев в работе, написанной к 60-летию статьи В.И. Ленина о сборнике "Вечи". Оказывается "Борис Садовской

зачеркивал всю передовую литературу прошлого и утверждал, что если ее деятели и одерживали большие творческие победы, то вопреки своей связи с жизнью, современностью и передовыми идеями эпохи". Ему досталось за то, что в 1907 году критик посмел охарактеризовать Чернышевского словами "умеренный и аккуратный", т.е. приравнял его к Молчалину, за то, что не ценил Белинского и т.д. "...подобные высказывания ретрограда и крепостника Б. Садовского крайне характерны для всего реакционного лагеря"¹⁹, — заключал статью Б. Соловьевс.

Как они чувствовали чужака, топали, орали: "Ату, его!"

. . . Вам под ярмо подставить выю
И жить в изгнании, в тоске. . .

В изгнании оказались оба — Б. Садовской, не уехавший из России и замурованный в прошлое, и В. Ходасевич, покинувший родину. Но В. Ходасевичу удалось уцелеть и вывезти с собой самое дорогое для него — русскую культуру, тот мир, что жил в нем. В 1921 году он понял твердо: "как бы ни напрягали мы силы для сохранения культуры — ей предстоит полоса временного упадка и помрачения."²⁰

Оказавшись за границей, он упрямо и настойчиво пытается связать далеко разошедшиеся концы, уничтожить "исторический разрыв" с предыдущей эпохой, звено за звеном воссоздать целостность русской культуры: писатель двигался от "Слова о полку" к Державину, от Державина к Пушкину, обошел круг поэтов пушкинской эпохи, каждого называв поименно, каждому посвятив статью, и наконец собрал воедино вдребезги разлетевшуюся литературную эпоху начала века в "Некрополе".

Вера В. Ходасевича в поэзию, кажется, еще возросла оттого, что она выжила и "в тьме гробовой российской". Больше того, именно в эти годы, в столкновении с грубой российской действительностью он и нашел себя как поэт. "Клокочущие чайники", "валенки", "зловонная треска" стали тем фундаментом, из которого выросли "гладкие черные скалы" и раздался "глас музыканский". В ранние годы именно этой прозы ему недоставало, какофонических звуков, "стона и скрежета". Он считал себя учеником Пушкина, сыном гармонии, а рожден был для землятресений и революций. Чтоб настроить свой голос ему не хватало "дикого голоса катастроф". Вот когда он стал бороться с Пушкиным, и следы этой титанической борьбы то и дело встречаешь в его стихах. Вот когда он рассыпал "бедные рифмы" — тени былых полнозвучий, былой гармонии, и вывел на страницы этот "хор возыхающих теней": "мои — твои", "гласных — согласных" . . .

"Живит меня заклятым вдохновеньем дыханье века моего" — признавал он. У этого века учился он "ужасному веселью постылый звук

тех песен обретать, которых никогда и никакая мать не пропоет над колыбелью". Но и борясь с Богом, бросая ему прямой вызов ("Мне невозможно быть собой, мне хочется сойти с ума...", "И солнце ангелы потушат..."), он был куда ближе ему, чем те, кто "сбрасывал" Пушкина, он был связан с ним живой любовью, "задушевной нежностью". И он гордился, что успел сделать "классическую" прививку молодой советской поэзии: "И каждый стих, гоня сквозь прозу, вывишивая каждую строку — привил-таки классическую розу советскому дичку."

В. Ходасевичу чужды были иерархические, сословные представления о царе-поэте, которые исповедовал Б. Садовской. Но идола его, "на чердаке забытого", он вытащил. Он вспомнил о нем, когда писал "Памятник". Только вместо надменного доморощенного (и чуть-чуть провинциального) кумира мы увидели природного идола — скифского, вечного, степного, ставшего на перекрестке истории. Героем своего "Памятника" В. Ходасевич сделал не чернь, которая заслонила от Б. Садовского и прошлое и будущее, не обиду на историческую ошибку, а чувство единственности, целостности русской культуры, поэзии, соединил, сковал разорванные концы и начала.

ПАМЯТНИК

Во мне конец, во мне начало,
Мной совершенное так мало!
Но все ж я прочное звено:
Мне это счаствие дано.

В России новой, но великой
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

193—

*И. Андреева
1980*

ПРИМЕЧАНИЯ

У Ходасевича в письмах попадаются сокращения "как" – "кк", ПБург – вместо Петербург, часто названия журналов без кавычек. И названия газет и журналов сокращены.

№ 1

1. Соколов Сергей Алексеевич (псевд. Кречетов) (1878-1936). Писатель, поэт, издатель. Редактор литературного отдела журнала "Золотое руно", позже – редактор журнала "Перевал", владелец издательства "Гриф" и редактор альманахов "Гриф", в которых В. Ходасевич и Б. Садовской печатали свои произведения.

№ 2

1. "Русская молва" – газета, начавшая выходить 9 декабря 1912 г. в Петербурге. В создании ее принимал участие А. Блок (см. Дневники А. Блока за ноябрь-декабрь 1912 г.). Борис Садовской был приглашен заведовать литературным отделом и предложил В. Ходасевичу вести Московскую литературную хронику.

2. "Вторники" – вечера Московского литературно-художественного кружка (1898-1920). В. Ходасевич был активным участником кружка с гимназических времен. В очерке "Московский литературно-художественный кружок" он писал: "... я был, подобно другим, уверен, что в нем совершаются важные литературные события. Сперва нелегально, потом на правах гостя, потом в качестве действительного члена побывал я на бесчисленном количестве вторников и чьих только докладов не слышал. ... Тогда все это казалось ужасно значительно и нужно – на поверху вышло не так. ... Для серьезной беседы аудитория Кружка была слишком многочисленна и пестра." (В. Ходасевич "Литературные статьи и воспоминания". Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954).

3. Общество свободной эстетики или Эстетика (1906-1917) – литературно-художественное общество, одним из руководителей которого был В. Я. Брюсов. Он и пригласил И. Северянина в Эстетику в декабре 1912 г. Об этом вечере В. Ходасевич пишет в следующем письме.

4. В декабре 1912 г. в "Русской молве" напечатаны стихи В. Ходасевича "Прогулка", "Досада", в январе 1913 – "Ворожба".

5. Одинокий (наст. фамилия Тиняков Александр Иванович) (1886-1932). Поэт, литературный критик, автор трех сборников стихов: "Navis nigra" ("Черный корабль"), М., изд-во "Гриф"; "Треугольник. Вторая книга стихов. 1912-1921", П., изд-во "Поэзия", 1922 г. и "Ego sum qui sum" ("Аз есмь сущий"). Третья книга стихов. 1921-1922 гг.", Л., Изд. автора, 1924.

Подробнее о нем см. Послесловие.

6. В рецензии на первую книгу стихотворений А. И. Тинякова "Navis nigra" В. Ходасевич писал:

"Подчиненность творчества г. Брюсову является главным недостатком всей книги. Ее безусловное достоинство – подлинный лиризм автора. Можно сочувственно или враждебно относиться к идеям г. Тинякова, но нельзя не признать, что он никогда не опускается до холодного выдумывания стихов, до писания ради писания, до стихотворного жонглерства, получившего столь широкое распространение в последние годы. Переживания г. Тинякова подлинны, – и это заставляет примиряться с их немного наивным демонизмом.

Примечания к №№ 2-4

Стих г. Тинякова немного жесток, отрывист, немузыкален, но в нем чувствуется серьезная работа. . ." ("Утро России", № 271, 24 ноября 1912 г.).

Статьи и рецензии В. Ходасевича, опубликованные в газетах 1912, 1917 гг., мало известны, не собраны, хотя многие из них и сегодня читаются с интересом; здесь и дальше приводятся развернутые цитаты и отрывки.

7. Последняя строчка написана рукой жены Ходасевича – Анны Ивановны.

№ 3

1. Чацкина Софья Исааковна – редактор журнала "Северные записки" (Петербург, 1913-1916). Б. Садовской сотрудничал в журнале и рекомендовал Владислава Ходасевича как поэта и переводчика.

2. В № 17 "Русской молвы" от 25 декабря 1912 г. за подписью "В. Х." был опубликован репортаж В. Ходасевича о вечере Игоря Северянина в Обществе свободной эстетики. Заметкой открывается тема, которая живо волнует В. Ходасевича в течение нескольких лет: о футуризме как школе, о природе новаторства Игоря Северянина:

"Если футуризм Игоря Северянина – только литературная школа, то надо отдать справедливость: чтобы оправдать свое имя, ей предстоит сделать еще очень многое. Стого говоря, новшества ее коснулись пока одной только этимологии. Игорь Северянин, значительно расширяющий рамки обычного словообразования, никак еще не посягнул даже на синтаксис. Несколько синтаксических его "вольностей" сделаны, очевидно, невольно, так как являются просто-напросто варваризмами и провинциализмами, каковыми страдает и само произношение поэта. Например, он говорит: бэздна, смэрть, сэрдце, любовь.

. . . В Игоре Северянине весьма удивил нас несомненно ему присущий и упорно подчеркиваемый морализм. Борьбу с отжившими моральными формулами очевидно полагает Игорь Северянин наущной своей задачей. Но именно потому-то эти формулы и отжили век свой, что они уже давно разрушены. За пределы же морали Игорь Северянин не посягает, и повидимому – футуризму надо еще ждать да ждать философского своего credo."

Вскоре В. Ходасевич разовьет и продолжит свои размышления в двух программных статьях, с которыми он выступит в газете "Русские ведомости" (29 апреля и 1 мая 1914 г.) – "Игорь Северянин и футуризм". Значительное место отведено Игорю Северянину и в статье "Русская поэзия", опубликованной в альманахе "Альциона" (М., 1914).

№ 4

1. "Голос Москвы" (1906-1915) – ежедневная газета, главный орган крайней правой русской партии Союза 17 октября. В 1913 г. В. Ходасевич часто публиковал на ее страницах рецензии о стихах, подписывая их "Х", "Х-чъ" и

полным именем.

2. Б. Садовской печатался в газете "Голос Москвы" в 1907 г.
3. Витольд — здесь и дальше — Ахрамович Витольд Францевич (псевд. Ашмарин) — поэт, секретарь издательства "Мусагет".

№ 6

1. В Дневнике А. Блока от 10 января 1913 г. запись: "А. М. Ремизов сообщил между прочим, что Садовского выгнали из "Русской молвы", но он относится к этому добродушно — есть Чашкина." (Александр Блок. Собрание сочинений. Т. 7, стр. 206, М-Л., 1963.) После ухода Б. Садовского из "Русской молвы" стихи и заметки В. Ходасевича в газете не появлялись.

2. "Галатея" — журнал, редактором которого, судя по письмам, мечтал быть Б. Садовской. Нашел он и человека, готового вложить деньги в издание, но оно так и не осуществилось.

3. Тыркова Ариадна Владимировна (1869-1962) — писательница, журналистка, издатель и редактор газеты "Русская молва".

4. Из последующих писем ясно, что речь идет о рассказе Мериме "Федериго", переведенном В. Ходасевичем. Опубликован он был только в 1916 г. в газете "Утро России" (10 апреля 1916). Затем еще раз встречаем рассказ "Федериго" в журнале "Петербург" № 2, 1922 г. Переводчик — София Бекетова. София Бекетова — псевдоним Анны Ивановны Ходасевич, которая изредка публиковала стихи.

5. "Сатирикон" — сатирический журнал (1908-1914).

№ 7

1. Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924) — поэт, переводчик, историк литературы, теоретик и признанный современниками глава русского символизма. В. Ходасевич, учась в гимназии с его младшим братом, познакомился с Брюсовым одиннадцатилетним мальчиком. Был влюбленным читателем первых его стихов, посещал "среды" В. Брюсова. Раннюю поэзию В. Брюсова ценил выше всего его творчества, и когда был издан 1-ый том собрания сочинений Брюсова, В. Ходасевич откликнулся на него рецензией в журнале "София" 1914, № 2, которая и до сегодня не утратила значения. Разбирая стихотворение В. Брюсова "Творчество", критик приходил к убеждению:

"... юношеские строки Брюсова до сих пор поражают своеобразной своей остротой. Как сочетаются в них мечта и банальность, прекрасное и грубое, вечное и мгновенное — мы не знаем, и это делает их драгоценными и живыми навсегда, ибо они никогда не перестанут волновать нас. Их непосредственное очарование не исчезнет даже тогда, когда историки литературы объянят, что ранние стихи Брюсова можно ему простить за позднейшие".

Личность Брюсова всегда вызывала интерес В. Ходасевича своей сложностью, противоречивостью. Он внимательно следил за его судьбой, за выходящими книгами, позже, в эмиграции — написал портрет В. Брюсова (очерк "Конец Ренаты", "Некрополь").

Примечания к № 7

В. Брюсов же, отметив в первой книге В. Ходасевича "Молодость" "остроту переживаний", почувствовав в нем человека, ранского своим временем ("Эти стихи порой ударяют больно по сердцу, как горькое признание, сказанное сквозь зубы и с сухими глазами.") ("Дебютанты", "Весы", 1908, № 3), вовсе отказал зрелому поэту, автору "Тяжелой лиры" в даровании, обвинил его в прямом эпигонстве: "стихи эти больше всего похожи на пародии стихов Пушкина и Баратынского. Автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как тщательно передразнивать внешность." ("Среди стихов", "Печать и революция", 1923, № 1).

В январе 1913 г. В. Ходасевич ходил к Брюсову, очевидно, по просьбе Б. Садовского: просить стихи для "Галатеи".

2. Струве Петр Бернгардович (1870-1944) – владелец изд-ва, экономист, историк, редактор журнала "Русская мысль".

3. Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884-1942) – владелец издательства "Альциона"; в издательстве выходили книги Б. Садовского и В. Ходасевича.

4. В газете "Русская молва" от 10 декабря 1912 г. опубликована заметка:

"Издательство "Альциона" в Москве с 1913 года предполагает печатать изданием новый критико-библиографический ежемесячник "Мнемозина". В нем будут помещаться статьи о старой и современной литературе, рецензии, заметки и исторические материалы: письма, дневники и проч. Как слышно, в "М" примут участие главные силы "Весов" (1904-1909)."

5. Городецкий Сергей Митрофанович (1884-1967) – поэт, один из организаторов и синдиктов "Цеха поэтов"; вместе с Н. Гумилевым выступил с литературным манифестом акмистов ("Аполлон", 1913, № 1).

6. Рецензия Б. Садовского на сборник Н. Гумилева "Чужое небо" ("Современник", 1912, № 4) начиналась словами:

"О "Чужом небе" Гумилева, как о книге поэзии, можно бы не говорить совсем, потому что ее автор – прежде всего не поэт. В стихах у него отсутствует совершенно магический трепет поэзии, веяние живого духа, того, что принято называть вдохновением . . ."

Далее Б. Садовской пишет, что "стихи г. Гумилева не плохи: они хорошо сделаны и могут легко сойти за . . почти поэзию".

"Бриллианты Тэта тоже почти настоящие: в виде рекламы желающим представляется возможность выбрать среди поддельных сокровищ один подлинный алмаз. Но в книге г. Гумилева не найти ни одного бриллианта, сплошь стеклярус, подделанный подчас с изумительным мастерством".

В "Записках", хранящихся в ЦГАЛИ (ф. 464, оп. 1, ед. хр. 1) Б. Садовской вспоминает:

"Н. С. Гумилев в литературе был мой противник, но встречались мы дружелюбно. При первом знакомстве в "Бродячей собаке" изрядно выпили, зорко следили друг за другом.

– Ведь Вы охотник?

– Да.

- Я тоже охотник.
- На какую дичь?
- На зайцев.
- По-моему, приятней застрелить леопарда.
- Всякому свос.

Тут же Гумилев вызвал меня на литературную дуэль: продолжить наизусть любое место из Пушкина. Выбрали секундантов, но поединок не состоялся: всем хотелось спать.”

7. Стихотворение В. Ходасевича “На даче” и вообще стихи за подписью “Елизавета Макшесва” в “Сатириконе” в 1913 г. не появлялись. “Елизавета Макшесва”, как пишет В. Ходасевич в очерке “Муни”, фамилия реальная: “такая девица в восемнадцатом столетии существовала, жила в Тамбове, она замечательна только тем, что однажды участвовала в представлении какой-то державинской пьесы”. За этой подписью В. Ходасевич опубликовал стихотворение “Ты губы скжал и горько брови сдвинул...” (“Руль”, 1908, 25 августа, № 129). В сборник “Счастливый домик” оно вошло под заглавием “Поэту”.

№ 8

1. Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893-1942) – поэт, переводчик, призывал к одной из группировок русских футуристов. О его сборнике “Carmina” (“Стихи”) В. Ходасевич писал в газете “Голос Москвы”, 1913, № 55, 7 марта:

“Если вернуть из его книги каждому современному поэту то, что у него заимствовано, – от самого автора не останется ничего, кроме усидчивости и аккуратности – качеств весьма похвальных, но не делающих поэтом того, кто обладает только ими”.

Пожалуй, оценивая сборники стихов Шершеневича “Автомобилья поступь” и “Быстро”, В. Ходасевич писал, что “поэту плохо удается лишить свои стихи содержания” и чтобы не отстать от футуристов, он стремится изо всей силы “затемнить” мысль. Критик выражал надежду, что со временем Шершеневич “будет вспоминать свой футуризм как один из экспериментов”. (“Утро России”, 1916, 30 января).

2. В №№ 1-2 журнала “Русская мысль” за 1913 г. печаталась повесть Бориса Садовского “Княгиня Зенсида”.

№ 9

1. Гуревич Любовь Яковлевна (1886-1940) – писательница, литературный и театральный критик, после ухода Б. Садовского стала заведующей литературно-театральным отделом газеты “Русская молва”.

2. Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) – писатель. Студентом Московского университета был арестован как “агитатор” и на два года выслан в Пензенскую губернию. Продолжал там вести работу среди рабочих (“Я считал себя социал-демократом”), посажен в одиночку, затем выслан в Усть-Сысольск. К месту ссылки 1000 верст его гнали в кандалах вместе с уголовниками. После

Примечания к №№ 9-11

ссылки ему запрещено проживание в столицах и два года вместе с женой и дочерью они кочуют по Югу России. Только в 1905 г. Ремизову разрешено поселиться в Петербурге, и он становится заведующим конторой журнала "Вопросы жизни". Литературные его опыты долго не находили признания: их не оценили ни А. П. Чехов, ни М. Горький. В 1907 г. вышел первый сборник А. Ремизова "Посолы", а в 1911-1912 гг. напечатаны Сочинения А. Ремизова в семи томах, появление которых Б. Садовской приветствовал статьей "Настоящий" (журнал "Современник", 1912, № 5).

№ 10

1. Отчет об этом собрании ("У эстетов") напечатан в "Голосе Москвы" (26 апреля 1913 г.). В докладе "Весна или осень в русской поэзии" поэт Николай Бернер докладывал, что приемы классики и символизма изжиты и ненужны. "Путь грядущий мы не знаем, но предчувствуем, и будущее искусство — пантеизм города. Мы, и только мы, футуристы, стоим на распутьи. Мы не признаем никого до нас, и нам нет никакого дела до любимцев веков, до мавзолеев культуры."

"Из речи оппонентов, — заключал автор заметки, — заслуживает внимания только речь В. Брюсова, сущность которой может быть выражена его же фразой: "Бессмысленные слова никогда не будут поэзии."

2. Таасевен Генрих Эдмундович (1880?-1915) — критик, журналист, заведующий редакцией журнала "Золотое руно".

3. В. Ходасевич несколько раз обращался к истории Павла, его судьбе. В ЦГАЛИ в архиве писателя хранятся выписки из трудов историков об императоре Павле, наброски и вступление к работе, план работы (ф. 531, оп. 1, ед. хр. 30, 31). Есть среди набросков лист, на котором выписаны цитаты из Гамлета, соответствующие ситуациям в судьбе Павла. Например: 1) "Контраст между смертью отца и радостным настроением двора. "Так близко к солнцу радости..." (1, 2, стр. 8). 2) "Муж матери". А у Е. сколько их было? (1, 2, стр. 10; 3) М.б., и Петр казался ему чем-то вроде "полугероя, полубога" (10)" и т.д.

4. Оригинальные стихи В. Ходасевича в 1913 г. в журнале "Северные записки" не появлялись.

№ 11

1. Телеграмму можно датировать маем 1913 года.

Письмо Садовского к А. И. Ходасевич (без даты) начинается словами: "В приятных воспоминаниях о Гиресво не заметил я, как промчалось время: завтра уже неделя, как живу в Нижнем". Затем следует сообщение, что в Нижнем ждут Государя "и я заказываю себе мундир", следовательно это начало мая 1913 года.

Гостил Садовской у Ходасевичей и в июле 1913 г. по дороге в Крым, о чем есть упоминание в письме Ходасевича к Г. И. Чулкову: "Прожил у меня десять дней Садовской. Болел животом, обвязывался компрессами, пил слабительное и обольщал меня перспективами журнала, на который поехал добывать денег — но не добудет, конечно. (28 июля 1913)".

№ 12

1. Александр Брюсов (1885-1966) – младший брат В. Я. Брюсова, гимназический приятель В. Ходасевича. По профессии – археолог. В молодости писал стихи и рецензии в журнале "Перевал", альманахах "Гриф" и т.д. Под псевдонимом "Alexander" выпустил книгу стихов "По бездорожью" (М., 1907).

2. Койранский Александр Арнольдович (1884-?). Поэт, художник, критик. Нина Ивановна Петровская пишет об А. Койранском, А. Брюсове, Муни, В. Ходасевиче как об одной компании: они вместе начинали, печатались в альманахах "Гриф" и "Альциона", в журнале "Перевал". Петровская говорит о них с досадой, называя "мальчишками", "чертями, негодяями, с.....и детьми". Письмо ее написано Ефиму Янтареву в 1908 г., из-за границы. Она вынуждена жить в разлуке с В. Я. Брюсовым, разрыв насильтственный, боль жива и психологически нетрудно объяснить раздраженный тон по адресу тех, кто был участником, а точнее – наблюдалелями, соглядатаями (порой по-мальчишески легкомысленными, порой беззастенчивыми) ее драмы. Позже, когда Н. Петровская напишет свои воспоминания о В. Я. Брюсове, она станет добре к "мальчишкам", а о Саше Койранском вспомнит как о самом дорогом друге из "плеяды молодых". С нежностью вспомнит его неприкаянность, равнодущие к вещам, напомнит о том, что он был общим любимцем, его так и называли: "Саша – радость наша". Упомянет о том, что теперь (Воспоминания были окончены в 1924 году) он в Канаде, больной. Дата смерти А. Койранского не установлена.

Владислав Ходасевич довольно рано почувствовал себя отдельно от компании, дружеские отношения соединяли его только с Муни. Об А. Брюсове и А. Койранском он отзывается довольно насмешливо.

3. Гиршман Владимир Осипович (1867-1936) – фабрикант, поклонник модернистского искусства. Он и его жена – постоянные посетители Литературно-художественного кружка и Эстетики, в которой В. О. Гиршман был казначеем.

4. Ходасевич Михаил Фелицианович (1865-1925) – старший брат В. Ходасевича. Видный московский адвокат, любитель литературы, искусства, действительный член Литературно-художественного кружка. Коллекционировал иконы, картины. После революции был смотрителем в Музее быта. На 21 год старше Вл. Ходасевича. Вл. Ходасевич был дружен с его дочерью художницей Валентиной Ходасевич (в замужестве Дидерихс).

5. Строчка из стихотворения В. Брюсова "Тряждущие гунны":

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Что значил В. Брюсов для поколения поэтов, вступавших в литературу в 1900-е гг. и что значил он для В. Ходасевича, видно по тому, что стихи В. Брюсова то и дело соскальзывают у Ходасевича с пера, они живы в памяти, хотя всякий раз он использует строки В. Брюсова иронически, в пародийном контексте, преодолевая, изживая в себе обаяние его поэзии.

6. "Великий Mag" – Валерий Брюсов. С легкой руки Андрея Белого это высокое звание надолго стало его литературным именем. Только так обращались к нему молодые поэты. См. стихотворение Андрея Белого "Mag", посвященное В. Я. Брюсову:

Примечания к № 12

Я в свисте временных потоков,
мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ишу пророков,
о тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес, и вы стоите
в венце из звезд упорным магом,
с улыбкой вещею глядите.

У ног веков нестройный рокот,
катясь, бунтуя в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот –
растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
над временем вознесены –
застывший маг, сложивший руки,
пророк безвременной весны.

(Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М-Л., СП, 1966, стр. 117.).

Вл. Ходасевич вспоминает эти строки в рецензии на книгу В. Брюсова "Семь цветов радуги", напечатанной в газете "Утро России", 21 мая 1916 г.:

"... любовь к литературе, к словесности, та самая, за которую так любит упрекать Брюсова обывательски-дилетантская критика, в действительности является одним из прекраснейших свойств его музы", "живеть значит для него: быть поэтом". "Может быть, лишь теперь Брюсов раскрепощает в себе человека, "только" человека, "из плоти и из крови", того, который доныне в его творчестве был подчинен поэту и в "идеальной природе", созданной прозой, жил не так, как хотел и мог, а так, как должен был жить в суровом подвиге поэтического служения. Как Петербург – "самый умышленный город" в России, так Брюсов был среди нас самый умышленный человек. Как по манию царя город вознесся "из тьмы лесов, из топи блат", так из заветной Брюсовской повседневности встал по воле поэта не совсем настоящий, "идеальный" Брюсов, такой, каким он представлен на врубелевском портрете, – каким описал его Андрей Белый:

Застывший маг, сложивший руки...

и в другом месте:

Бледный оборотень, дух.

Я хотел бы, чтобы такой день как можно дольше не наступал, но все-таки такой день однажды настанет: явится биограф Брюсова. И думаю, что этому исследователю во что бы то ни стало придется считаться с намеченным различием между идеальным, умышленным Брюсовым и Брюсовым, жившим в нашей действительности. Может быть, именно в связи с этим

различием и будет вскрыта трагедия его творчества.”

7. Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942) – поэт, переводчик – 5 мая 1913 г. вернулся в Москву после семилетнего пребывания за границей. Торжественная встреча ждала его на Брестском вокзале. 7 мая Бальмента чествовали в Обществе свободной Эстетики. Как обычно, собрание Эстетики проходило в зале Литературно-художественного кружка.

8. Намек на приезд Николая II в Нижний Новгород в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. Б. Садовской должен был приветствовать царя стихами.

9. Гарри, он же Эдгар – сын Анны Ивановны от первого брака. Впоследствии превратил свое имя в псевдоним Э. Гаррик (наст. фамилия Гренцион). Снимался в кино. Наиболее известная из его ролей – Карл XII в картине “Петр I”.

№ 13

1. В газете “Голос Москвы” 20 мая 1913 г. была напечатана Литературная хроника. Автор ее писал о том, где и над чем работают летом московские литераторы, а заключал хронику сообщением: “В Москве предполагается с осени издание журнала “Галатея”, ежемесячника нового типа, где будут только стихи и критические статьи. Журнал будет издаваться под “дружеской редакцией Б. Садовского и В. Ходасевича”.

2. Янтарев (псевд. Бернштейна Ефима Львовича) – поэт, журналист, работавший корректором и публикавший заметки и репортажи в газетах “Голос Москвы”, “Утро России”, “Московской газете” и др. В 1907-1911 гг. довольно близок с В. Ходасевичем. В ЦГАЛИ хранятся два письма последнего к Янтареву.

3. “Труды и Дни” (1912-1916) – журнал символистов; созданный при издательстве “Мусагет”. “Первое с п е ц и а л ь н о е назначение журнала, – писала редакция во вступительной статье, – способствовать раскрытию и утверждению принципов подлинного символизма в области художественного творчества”. Авторами его были Вячеслав Иванов, Андрей Белый, печатал свои статьи и Б. Садовской.

4. Берслей Обри Винсент (1872-1898) – англ. художник, график, рисунки которого воспроизводили “Весы”, “Золотое руно”. Для В. Ходасевича – символ эстетизма, модернизма, дурного вкуса.

5. Меценат – здесь и дальше: Кожебаткин А. М., владелец издательства “Альциона”.

6. Клычков (наст. фамилия Лещенков Сергей Антонович) (1889-1940) – поэт. Печататься начал в 1908 г. (сб. “Песни”, “Потаенный сад”). В 20-х гг. пользовалась популярностью его проза: “Сахарный немец” и “Чертухинский балакирь”.

7. В 1913 г. в газете “Русская мольва” появилась заметка, подписанная инициалами “П. А.”, автор которой писал: “Даже опубликованный издательством “Альциона” соловьевский перевод “Золотого горшка” вряд ли будет много способствовать ознакомлению русского читателя с творчеством Гофмана: как известно, Соловьев не довел своей работы до конца, и в его переложении повесть о несчастьях студента Ансельма обрывается на шестой главе”.

Действительно, повесть Гофмана “Золотой горшок”, изданная “Альционой” в 1913 г. обрывалась на шестой главе. Ошибка была тем серьезнее, что

Примечания к №№ 13-14

В. Соловьев сделал перевод повести целиком, она была напечатана в журнале "Огонек" в 1880 г. (№№ 24-28, 30-32) и в этом переводе печатается до сих пор (См. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Повести и рассказы. Изд-во "Художественная литература", М., 1967).

№ 14

1. В "Новом Сатириконе" 1913 г., № 11 напечатано стихотворение Б. Садовского "После обеда":

Люблю я, утомясь обедом,
На кресле ждать под серым пледом,
Чтоб по обоям голубым
Вечерний заструился дым...

В № 12 – стихотворение "Желудок".

2. Стихи за подписью "Макшесва" ни в "Сатириконе", ни в "Новом Сатириконе" в 1913 году не появлялись.

3. В журнале "Северные записки", 1913, № 8 опубликованы стихи польского поэта Сигизмунда Красинского в переводе В. Ходасевича.

4. Валентин Португалов – издатель. В 1914 г. выпустил книгу Б. Садовского "Косые лучи. Пять поэм".

5. А. Тияков страдал запоями и время от времени, все с себя пропивая, оказывался в больнице. См. его письма к Б. Садовскому 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, сд. хр. 212): "...Я пропил все деньги и попал в больницу...", "Дорогой Борис Александрович, очень давно собирался написать Вам, но сначала лихо пьянистовал затем – по обыкновению сидел неделю у Николая Чудотворца (психиатрическая больница в Петербурге. – И. А.); последнюю неделю работаю и бегаю по редакциям..." и т.д.

6. Ауслендер Сергей Абрамович (1886-1943) – драматург, прозаик, племянник и литературный ученик М. А. Кузьмина. Ему посвящено стихотворение В. Ходасевича "Воспоминание", напечатанное в газете "Руль", 1908 г., 2 февраля и вошедшее в сборник "Молодость" (М., "Гриф", 1908). Впоследствии произошло охлаждение отношений.

7. Незлобин Константин Николаевич (1857-1930) – известный антрепренер, актер. Драматический театр, которым он руководил с 1909 по 1917 гг., москвичи называли "театром Незлобина".

8. Пьеса С. Аусленданера "Ставка князя Матвея" поставлена в театре Незлобина в ноябре 1913 г., имела успех, о ней писали С. Глаголь ("Столичная молва") и А. Койранский ("Утро России"), 29 ноября 1913 г. газета "Утро России" поместила фотографию автора пьесы "Ставка князя Матвея" между фотографиями композитора Балакирева и героя пробега на велосипеде вокруг света О. П. Панкратова.

9. В 1913 г. В. Брюсов выпустил книгу "Стихи Нелли. Со вступительным сонетом Валерия Брюсова". Фамилии Брюсова на сборнике не было, он рассчитывал, что читатели в Нелли увидят автора. Между тем стихи были посвящены Нелли – Н. Г. Львовой: слово "Нелли" стояло в дательном, а не родительном падеже. Владислав Ходасевич был дружен с молодой поэтессой Надей Львовой, он прекрасно знал, кто автор сборника. Рецензия его на "Стихи Нелли", напечатанная в № 199 газеты "Голос Москвы" (29 августа 1913 г.) – продолжение

литературного розыгрыша, игра в разгадывание масок на литературном маскараде. В. Ходасевич писал:

"Поэт (мы условимся называть его Нелли) дебютирует, очевидно, своим сборником. Но в то же время (и это, пожалуй, всего примечательнее в стихах Нелли) он обнаруживает такое высокое мастерство стиха, какого нельзя было бы ожидать от дебютанта. Даже там, где автор отступает от прасодического канона, в его строках чувствуется сильная и уверенная рука.

Имя Нелли и то, что стихи написаны от женского лица, позволяют нам считать неизвестного автора женщиной. Тем более удивительна в творчестве совершенно мужская законченность формы и, мы бы сказали, твердость, устойчивость образов. Ведь, читатель, конечно, согласится с нами, что стихи женщин, обладая порою совершенно особенной, им только свойственной прелестью, в то же время неизменно уступают стихам мужским в строгости формы и силе выражения. Пожалуй, даже именно здесь таится значительная доля их своеобразного очарования. От этого правила не ушли такие поэтессы, как Каролина Павлова, гр. Ростопчина, Лохвицкая и даже Зинаида Гипплиус. И вот Нелли является исключением. И это еще раз заставляет обратить на нее внимание.

/.../ Еще графиня Ростопчина требовала, чтобы ее сравнивали с женщинами, а не с мужчинами. Быть может, и Нелли, как поэтесса хотела бы сравниться со своими сверстницами? Что же! Стихи ея лучше стихов Анны Ахматовой, ибо стройнее написаны и глубже продуманы. Стихи ея лучше стихов Н. Львовой по тем же причинам. Но в одном (и весьма значительном) отношении Нелли уступает и г-же Львовой и г-же Ахматовой: в самостоятельности. Голос Нелли громче их голосов, но он более зависим от посторонних влияний. Можно назвать имена учителей г-жи Львовой и Анны Ахматовой, но нельзя указать поэта, которому бы подражали оне так слепо, как Нелли подражает Валерию Брюсову во всем, начиная от формы стиха и кончая тем чувством современности, о котором мы уже говорили.

Детских плеч твоих дрожанье,
Детских глаз недоуменье,
Миги встреч, часы свиданья
Долгий час – как век томленья... (стр. 38)

Каюсь, не знай я настоящего автора, я не задумался бы приписать эти строки Брюсову.

...Много, много еще таких примеров найдет в книге Нелли внимательный читатель. Самый стих молодой поэтессы – типичный брюсовский стих, с его четкой чеканкой и своеобразным внутренним движением.

В книге Нелли не мало красивых и верных и содержательных образов. Часто, читая ее, хочешь воскликнуть: "Да ведь это не хуже Брюсова!" Это, конечно, огромная похвала для начинающего поэта: "Он пишет, как Брюсов". Но и большой укор, потому что ведь Нелли – не Брюсов. Уж если ты – Нелли – будь Нелли..."

Любопытно, что и Н. Львова тоже приняла участие в литературной мистификации. В альманахе "Жатва", кн. У, М., 1914 г., посмертно, уже после само-

Примечания к №№ 14-16

убийства поэтессы, была опубликована ее рецензия "Холод утра (несколько слов о женском творчестве)", в которой Н. Львова, рассматривая сборники А. Ахматовой, М. Цветаевой, Кузьминой-Караваевой, выше всех оценила книгу Нелли, увидев в авторе "целостность законченного мастера". Книгу Нелли она назвала "самой женской", считая, что она лучше других сумела найти свои женские слова и свое освещение общей для всех темы.

№ 15

1. Борис Садовской "Пятьдесят лебедей. Стихотворения 1909-1911". СПБ, 1913.

2. Кречетов (псевдоним Соколова Сергея Алексеевича). О нем см. примечание к № 1, на стр. 73. В 1905-1906 гг. был в достаточно близких отношениях с В. Ходасевичем, затем произошла размолвка. В апреле 1907 г. Соколов пишет Ходасевичу: "Вы не поняли надписи на книге? Посох есть посох моей дружбы и нежности к Вам, которую Вы сами заглушили в сильной мере, отойдя от меня многим и многим (заглушили, но не убили – я не хочу лгать). Посох на мгновение зацвел от воспоминаний". (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 82). Переписка продолжается и в 1909-1910: ссоры и размолвки сменяются примирениями.

Но деловые отношения во все эти годы не прерываются: в 1908 г. в издательстве "Гриф" выходит первая книга стихов В. Ходасевича "Молодость", стихи и рецензии его печатаются в журнале "Перевал", который редактирует С. Соколов. Восторженной рецензией отклинулся "Гриф" на выход сборника В. Ходасевича "Счастливый домик".

Немалую роль в их размолвке сыграло, очевидно, участие В. Ходасевича в семейной драме С. Соколова и его жены Н. Петровской. Мариэтта Шагинян вспоминает экспромт В. Ходасевича, сочиненный им на собственной свадьбе, "где посаженным отцом был сам Брюсов, а шафером "примазался" издаватель "Грифа" Соколов-Кречетов..."

Венчал Валерий Владислава, –
И "Грифу" слава дорога!
Но Владиславу только слава,
А "Грифу" – слава да рога.

Намек на Нину Петровскую, жену "Грифа" и "спутницу" Брюсова". (Мариэтта Шагинян "Человек и время", М., "Художественная литература", 1980). Отголосок эпиграммы прозвучал и в письме В. Ходасевича.

3. Серпинская Нина Яковлевна (1893-1955) – художница, поэтесса, приятельница Б. Садовского.

4. "Мусагет" – издательство (1910-1917).

№ 16

1. "Сам" – В. Я. Брюсов.
2. "Бедная Надя" – Львова Надежда Григорьевна (1891-1913). Автор единственного сборника стихов: "Старая сказка", М., 1913. Н. Г. Львова пишет в это время Б. Садовскому: "... . Стала футуристкой. Только Вы не пугайтесь. Правда, это не так страшно. Ведь наши "эго-футуристы" народ самый безобидный и

вполне приличный. К сожалению, многие пишут стихи слишком плохо. А в остальном очень мило.” (ф. 464, оп. 1, ед. хр. 89). На сборник Н. Львовой В. Ходасевич откликнулся доброжелательной рецензией (газета “Голос Москвы” № 127, 4 июня 1913 г.), а много лет спустя, находясь уже в эмиграции, очень тепло вспомнил о Наде Львовой в очерке “Брюсов” (“Некрополь”, 1976 г.).

3. “Летучая мышь” – театр миниатюр, организованный Н. Балиевым и Н. Тарасовым. Ходасевич писал для этого театра стихи и сцены.

4. В. 1914 г. вышло юбилейное издание альманаха “Гриф”. По замыслу С. Соколова, в нем должны были принять участие все авторы трех выпусков альманаха (1903, 1904 и 1905 гг.). Юбилейный сборник печатался небольшим тиражем, на хорошей бумаге с портретами авторов.

№ 17

1. Сборник стихов Б. Садовского “Самовар” вышел в издательстве “Альциона”, М., 1914. 15 января 1914 г. В. Ходасевич писал в газете “Новь”:

”. . . читателем Садовского давно известна его любовь к мирному сельскому укладу старозаветной жизни, и его “самоварной мистике” невольно веришь, принимаешь ее как нечто нераздельное связанное с творчеством и личностью прекрасного писателя. Садовской – “старосветский помешаник”. Вот жизнь, о которой он мечтает:

Мой идеал – покой. О, если б я встречал
Все ночи в комнате, лазоревой и мирной,
Где б вечно на столе томился и журчал
На львиных лапках самовар ампирный!

Но времена доброй Пульхерии Ивановны прошли. Садовской овдовел.
Одиночество является такой же темой его книги, как и самий самовар.”

2. Первое издание альманаха “Альциона”, кн. 1, было конфисковано за рассказ В. Брюсова “После детского бала”.

3. Никита – здесь и дальше: Балиев Никита Федорович – создатель театра миниатюр “Летучая Мышь”, для которой в 1913-1916 гг. В. Ходасевич и Б. Садовской писали стихи и драматические сцены.

4. Лало, а правильней: Лоло (Lolo) – псевд. Л. Г. Мунштейна, журналиста, театрального критика и редактора журнала “Рампа и жизнь” (1908-1918).

5. Иванов Вячеслав Иванович (1886-1949) – поэт и филолог, теоретик символизма. Мы не знаем его ранних отзывов о стихах В. Ходасевича, но Н. Берберовой опубликована его переписка с В. Ходасевичем в 1924 г. (“Новый журнал”, 1960, № 62). В письме от 12 января 1925 г. В. Иванов пишет:

“От Муратовых добыл я книгу Вашу: читаю и перечитываю “Тяжелую лиру” с восхищением; конечно, боль, горечь и скорбь исполняют свое высшее эстетическое (– и не только эстетическое!) назначение, когда из их горнила вырывается гимн, когда

На гладкие черные скалы
Стопы опирает Орфей.

Примечания к №№ 17-18

Этот высокий акт предоления озаряет Вашу лирику необыкновенным, несколько жутким, ибо нездешним отблеском, падающим из мира "страшных братьев"; и проносится по ней мгновениями ветер "почти свободы".

Кончает В. Иванов свое письмо словами: "Одним словом, обнимаю Вас за "Тяжелую лиру" горячо."

6. В это время вышел сборник стихов В. Ходасевича "Счастливый домик" (К-во "Альциона", М., 1914).

7. Рисунок – своеобразный, шутливый ответ на открытку Б. Садовского – А. И. Ходасевич от 10-го февраля 1914 г. В углу открытки была изображена сова и надпись: "Рисунок для вашего поэта: пусть вдохновляется." В это время Ходасевич увлечен циклом "Мыши" и пишет много юмористических и даже юмористических стихов на эту тему.

№ 18

1. Рыбакова Любовь Ивановна (1882-1973) – старшая сестра Анны Ивановны Ходасевич.

2. В ЦГАЛИ среди бумаг Ходасевича есть список его книг и переводов, им составленный. В этом списке названы два романа Г. Сенкевича. В переводах В. Ходасевича романы Г. Сенкевича "Семья Полонецких" и "Меченосцы" вышли в собрании сочинений Г. Сенкевича в 16 томах, изданном Сытиным в 1914 г.: тт. 8 – "Семья Полонецких", тт. 12-13 – "Меченосцы".

3. В. Ходасевич начал свою деятельность в газете "Русские ведомости" двумя статьями "Игорь Северянин и футуризм" (№№ 98 и 100) и продолжал печататься до 1917 г.

4. Игнатов Илья Николаевич (1858-1921) – публицист, литературный и театральный критик, сотрудник газеты "Русские ведомости".

5. Б. Садовской в мартовском номере "Северных записок" за 1914 г. опубликовал рецензию на книгу стихов В. Ходасевича "Счастливый домик". Он писал:

"...у г. Ходасевича каждое стихотворение является тщательным изделием художника-ювелира: жемчужины его рифм полновесны; нигде нет лишних безобразящих прилатков, дешевого стекляруса и кричалих стразов. Мы далеки от мысли ставить г. Ходасевича в ряды первостепенных поэтов нашего времени, но вполне применимо к нему известное изречение: он пьет из небольшого, но собственного стакана. Некоторые стихотворения, более раннего периода, напоминают антологическую манеру Батюшкова и раннего Пушкина... и показывают, какую благородную школу прошел поэт. Произведения же последних отделов обнаруживают самостоятельного мастера и дают г. Ходасевичу право на свое особое место в литературе."

6. Муратов Павел Павлович (1881-1950) – историк искусств, прозаик. Особой популярностью до сих пор пользуется его книга "Образы Италии". В 1914 г. редактировал журнал "София"; в нем печатались рецензии В. Ходасевича. С 1922 г., оказавшись в эмиграции, В. Ходасевич и П. Муратов часто виделись – в Берлине, в Прерове, где вместе проводили лето. П. Муратов оказывается "гидом" В. Ходасевича и Н. Берберовой по Риму в 1924 г. Очень тепло вспоминает

о нем Н. Берберова в книге "Курсив мой" (Мюнхен, 1972). В конце 30-х гг. уехал в Лондон, потом к друзьям в Ирландию – там занимался садоводством и писал историческое исследование о Первой мировой войне. Это и была последняя его книга.

7. И. Терентьев – поэт, знакомый А. И. Ходасевич; она просила устроить его стихи в журнал. В письме от 23 марта 1914 г. Садовской пишет А. И. "Вы знаете, что желание Ваше для меня закон, а потому стихи Т-ва я завтра же доставлю Измайлову с просьбой поместить в "Огоньке". Больше некуда."

№ 19

1. В это время Б. Садовской приобрел хутор Романовку.
2. Шутливо перефразированная строчка В. Брюсова "Ты песен ждешь? – Царица, нет их!" Стих. "На нежном ложе", напечатано в книге "Корабли. Сборник стихов и прозы", М., 1907; в сборнике были опубликованы также стихи В. Ходасевича.
3. Юнгер Владимир Александрович (1883-1918) – поэт. Был с Б. Садовским в приятельских отношениях. Входил в группу "Цех поэтов", издавшую его книгу стихов "Песни полей и комнат" ("Цех поэтов", СПб, 1914).

№ 20

1. Очевидно, речь идет о стихотворении В. Ходасевича "Вот в этом палаццо жила Дездемона...", напечатанном в сборнике "Арион", кн. 1, М-Киев, 1915.
2. Валерий Брюсов уехал корреспондентом "Русских ведомостей" "на театр военных действий". С августа 1914 года газета регулярно печатает его корреспонденции, которые Владислав Ходасевич пародирует очень точно. Репортажи Брюсова отличаются банальностью, стереотипностью не только видения, но и построения фраз. Вот начало первого репортажа "Путь на запад" 19 авг. 1914 г.: "Почтовый поезд неспешно, но неуклонно бежит на запад... И чем дальше мы едем, чем ближе оказываемся мы к таинственному "театру военных действий", тем спокойнее и радостнее становится на душе". В очерке "Рассказы очевидцев" В. Брюсов сообщает читателям: "Все, с кем мне приходилось говорить, единогласно свидетельствуют, что наша ружейная стрельба выше немецкой". Там же он обстоятельно растолковывает, что если снаряд ложится за окопом – это называется перелет, если не долетает до окопов – недолет и т.д.
3. Издателям, равно как и "меценатом", В. Ходасевич называет А. М. Кожебаткина. Кожебаткин – земляк Б. Садовского, оба учились в Нижегородском Дворянском институте. Кожебаткин был двумя классами младше. Сборник Б. Садовского "Самовар" открывался посвящением Издателю.

А. М. Кожебаткину

Я стихотворству, ты изданью
От юных лет обречены,
Мы в одолебы, по преданью
Нижегородской старины.
Струями волжской Ипокрены
Вспоили щедро нас Камены

Примечания к №№ 20-22

И Мусагета водомет.
Теперь фонтан его поет
В лугах лазурной Альционы.
Заветы Пушкина храня,
Ты отблеск чтишь его огня
И красоты его законы;
Зато несу тебе я в дар
Мой одинокий самовар.

№ 21

1. В одной фразе, между двух фамилий, Ходасевич заключил все самое неприятное ему в современной литературе, – от футуристов до дешевых эротических романов, автором которых был Арцыбашев.

2. Рубанович Семен Яковлевич – поэт.

3. "Война в русской лирике". Сборник. Составл. Владислав Ходасевич. Универсальная библиотека. М. 1914. Из поэтов-современников В. Ходасевич включил в сборник стихи Allegro, Баль蒙та, Блока, Брюсова, С. Соловьева и Б. Садовского. Стихотворение Б. Садовского "Памяти А. В. Самсонова" за-ключает подборку.

4. "Русская Камена" – сб. статей Бориса Садовского. М., "Мусагет", 1910.

5. Стихотворение В. Ходасевича "У людей война, а к нам в подполье" . . . напечатано в журнале "Аполлон" 1914, №10.

6. В 1914 г. Петербург переименован в Петроград, и с этим официальным переименованием, вызванным взрывом антинемецких шовинистических чувств, ни Б. Садовской, ни В. Ходасевич считаться не собирались. В 1916 г. Ауслендеру крепко досталось за "иноземчество" от Б. Садовского. В статье "Pro domo sua" он писал: "Переименование северной столицы доставило живую радость и удовольствие Петербургским лавочникам, извозчикам и швейцарам. К числу этих "патриотов своего отечества" отныне принадлежит и г. Ауслендер. В трагедии своей "Бриллиантовый жучок" (времен Павла!!!) он заставляет героев звать Петербург Петроградом. А еще "стилизатор" (Б. Садовской "Ледоход. Статьи и заметки", Петроград, 1916). К слову сказать, полемическое негодование Б. Садовского заставило Ауслендеру переименовать драму, которая называлась "Изумрудный научок". Об этой пьесе и пишет В. Ходасевич в письме.

№ 22

1. Николай Архипов (наст. фамилия Бенштейн Николай Архипович) – драматург, издатель и редактор журналов "Новая жизнь" и "Новый журнал для всех". В "Новой жизни" печатались Б. Садовской и В. Ходасевич.

2. Липскеров Константин Абрамович (1889-1954) – поэт, переводчик, занимался живописью в мастерской К. Ф. Юона. С В. Ходасевичем его связывали приятельские отношения.

3. Илья Зданевич – поэт, входил в Тифлисскую группу футуристов-заумников "41°", организованную А. Крученых. Об отношении В. Ходасевича к В. Маяковскому см. Послесловие.

№ 23

1. К. И. Кареев – уполномоченный дирекции театра "Летучая Мышь".
2. Б. Садовской "Полдень". 1904-1914. "Сб. стихов. Пг., "Лукоморье", 1915.
3. Вероятно, речь идет об "Озими" (Статьи о русской поэзии, Пг., 1915). "Брошкой" называл книгу сам Б. Садовской.
4. Этой строчки не удалось выловить в массе военных стихов тех лет. Возможно, это пародия на ремесленную продукцию "ура-патриотического" толка, но скорей всего существует именно такая строка: В. Ходасевич и в письмах цитирует стихи изумительно точно.

№ 24

1. Вл. Ходасевич сомневался, можно ли напечатать положительную рецензию на книгу "Озимъ" в газете "Русские ведомости", т.к. Б. Садовской писал о В. Брюсове как о "старшем брате" русского футуризма (статьи "Футуризм и Русь", "Юбилей безвременъя"). Книга надела в Петрограде много шума, отчасти скандального. "Бюллетень литературы и жизни" перепечатал отрывок, назвав публикацию "Накипевший протест". В марте 1915 г. Ю. Юркун писал автору: "Только о ней и говорят у нас все последние дни. Мнения самые противоречивые. И злоба, и ругань, и хвала, и восторг, т.е. как и должно встретили эту необыкновенную книгу." (ЦГАЛИ ф. 464, оп. 1, ед. хр. 152). Любопытно откликнулся на выпады против него В. Брюсов. Он писал Б. Садовскому: "...Не решаюсь спорить Ваше мнение о том, поэт ли я. Выражаясь высоким слогом, об этом будет судить потомство. Вы отвели мне место подле Бенедиктова и Минаева – поэтов, владевших стихом лучше всех своих современников. Высшей похвалы нельзя пожелать. Но ведь для Вас мы все только стихотворцы. К сожалению, я никак не могу установить точного и непререкаемого различия между поэтом и стихотворцем. Условимся так: Вы – поэт, я – стихотворец. Но ведь и это положение условно, как все на свете. Кто Пушкин, поэт или стихотворец? По-моему, и то и другое." Заключал свое письмо В. Брюсов пророческими словами: "Конечно, "Озимъ" создаст Вам много врагов. Я ис из их числа". ("Аврора", 1973, № 12). Журналы и газеты набросились на Б. Садовского. Тон его книги был столь запальчив, что вызвал ответную реакцию. М. О. Гершензон со свойственной ему деликатностью попенял автору на резкость и несдержанность. "Книжонка Ваша остры и характерна, но на мой вкус, слишком лична... Вы влечетесь к хорошему, но в Вас самом и в самой этой книжке – еще много "футуризма". Вы даете мне два адреса: усадьбы и "Центральных меблированных комнат" на Невском: где же Вы по-настоящему живете? Вот то-то: личное в Вашей книжке – еще от Невского." (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1., ед. хр. 42).

2. Пешехонов Алексей Васильевич (1867-1935) – статистик, экономист, сотрудник газеты "Русские ведомости", заведующий отделом журнала "Русское богатство". Газета "Русские ведомости", широко отмечавшая свой 50-летний юбилей в 1913 г. гордилась его сотрудничеством, и имя "Пешехонова" часто называлось в юбилейных статьях; автобиография его напечатана в юбилейном сборнике "Русские ведомости". Сб. статей, М., 1913.

№ 25

1. "Лукоморье" (Пг., 1914-1917) – ежемесячный, литературно-художественный журнал, основанный М. А. Сувориным, крайне шовинистического направления. Сотрудниками его были Георгий Иванов, С. Городецкий, А. Рославлев, Ф. Сологуб. Б. Садовской опубликовал в "Лукоморье" в 1915 г. стихи "Швейка", "Самара", литературные рецензии. Стихи В. Ходасевича в "Лукоморье" напечатаны не были.

2. Чулков Георгий Иванович (1879-1939) – писатель, критик, брат жены В. Ходасевича Анны Ивановны, урожденной Чулковой.

№ 26

1. "Медный всадник" – предполагаемый альманах общества деятелей литературы и искусства в Петрограде. Целью общества было изучение древнерусского творчества. В правление входили Н. Гумилев, С. Городецкий, С. Ауслендер и др. Б. Садовской был секретарем Общества.

2. В "Записках" Б. Садовской пишет о тяжелом нервном заболевании, которое началось у него в 1908г. В 1912 произошло резкое ухудшение, приведшее к параличу. Из переписки Бориса Садовского с отцом ясно, что тяжкое состояние 1912 г. было рецидивом незалеченного сифилиса. В 1913-1916 гг. болезнь Б. Садовского проявлялась в частности в дрожании рук, столь сильном, что сам он порой не мог писать.

3. В. Ходасевич переводил Скальбе, Плудона, Шалкона и др. для "Сборника латышской литературы" (Пг., "Парус", 1917).

4. Озаровский Юрий Эрастович (1869-1920) – актер, режиссер.

№ 28

1. "Утро России" – ежедневная газета. Выходила в Москве в 1907, 1909-1918 гг. В 1916 г. В. Ходасевич регулярно публиковал на ее страницах стихи, переводные рассказы, статьи, рецензии, ежемесячные обзоры "О новых стихах". Здесь была напечатана статья "Державин" и сказка Туманяна "Капля меда" в переводе В. Ходасевича.

2. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872-1928) – критик, историк литературы. Известны его книги "Силуэты русских писателей", "Спор о Белинском", "Пушкин". На последнюю В. Ходасевич откликнулся резкой статьей "Сахарный Пушкин" ("Русские ведомости", 1916, 9 ноября). Ю. Айхенвальду принадлежит наиболее тонкая статья о прозе Б. Садовского ("Слово о словах", кн-во бывш. М. В. Попова, Пгр, 1916). Со временем остроту ума Ю. Айхенвальда, его желание понять автора оценил и В. Ходасевич. Он пишет Айхенвальду в 1926 г.:

"Дорогой Юлий Исаевич, по-моему, поблагодарить критика за лестный отзыв – значит отчасти унизить его: ведь он пишет не ради удовольствия автора. Но на сей раз позвольте мне сделать как будто то же, да не совсем то: поблагодарить Вас не за п о х в а л у, а за то что Вы, один из немногих, поняли моего Боттома: его смысла, так хорошо и точно услышанного Вами, не понимают. Впрочем, и в этом случае слово "поблагодарить"

не совсем подходит. — Мне было ужасно приятно Ваше упоминание о Козлове. Зато в суровом приговоре моим воспоминаниям о Брюсове, — по-моему, Вы не правы. Мне было писать их, но желание взять да и сказать пра вду — пересилило. Знаете ли, что я далеко не использовал своего материала. Я умолчал о вещах поистине ужасных. А вот помните ли мою статью "О чтении Пушкина" и Ваши замечания на нее? Вот где многое Вами замечено так верно и умно, что я уже не решился бы перепечатать статью без существенных изменений". . . (ЦГАЛИ, ф. 1175, оп. 2, ед. хр. 165).

3. О книге Б. Садовского "Полдень" В. Ходасевич писал в № 30 газеты "Утро России" (30 января 1916 г.) :

"Книга Бориса Садовского подводит итог его десятилетней поэтической работы. В ней отчетливо выразились и положительные и отрицательные стороны его поэзии. К первым прежде всего следует отнести внутреннее благородство стихов Садовского, их близость к лучшими традициям русской поэзии. Достаточно уверенный в технике стиха, Садовской никогда не банален и никогда не вычурен. Но искусно избегая этих двух опасностей, Садовской тем самым создает третью, которой уже избежать не в силах: в стихах его нет и тени художественного почина, как почти нет попыток сказать новое и по-новому. Поэтическая традиция его надежная крепость. Гордый ее неприступностью он, кажется, глубоко презирает все окружающее и не "унижается" до вылазок. Но такое отсаживание столько же отстраняет от него опасность поражения, как и возможность победы. Быть может, от этого, как, вероятно, и от душевного склада Садовского, лирика его лишена остроты и трепета, которые бы заставили читателя жить вместе с поэтом. От нее веет холодком. Кристально чист ключ поэзии Садовского, но утолит ли он чью-нибудь жажду? Не знаю."

4. В рецензии на книгу В. С. Федины "А. А. Фет" ("Утро России" № 51, 20 февраля 1915) В. Ходасевич упоминает статью Б. Садовского, опубликовавшего неизвестные прежде подробности смерти Фета ("Исторический вестник", 1915, № 4). Фетом Б. Садовской начал заниматься в 1904 г.; статьи и исследования, посвященные жизни и творчеству Фета вошли в его книги "Русская Камена" и "Ледоход". Кроме того, Б. Садовской издал "А. А. Фет. Жизнь и творения. Хронологическая каица".

5. Б. Садовской рассказал о новом портрете Пушкина, обладателем которого он оказался, в газете "Утро России", 1916, 6 августа. Портрет, приобретенный им в Нижнем, был затем продан Пушкинскому Дому. В нынешней иконографии Пушкина этот портрет не значится.

6. В 1915-1916 гг. В. Ходасевич делал переводы для сборников, выходивших под редакцией В. Брюсова и М. Горького: "Сборник армянской литературы", Пг., "Парус", 1916; "Сборник латышской литературы", Пг., "Парус", 1917; "Сборник финляндской литературы", Пг., "Парус", 1917 и "Поэзии Армении с древнейших времен до наших дней", М., Моск. армянский комитет, 1916.

7. Анна Ивановна Ходасевич рассказывала, что "Зоря" — "домашнее" имя Георгия Ивановича Чулкова, общего любимца в семье. По семейным преданиям, когда родился сын, Александровна Чулкова воскликнула: "Наконец взошла моя зорька ясная!" Так и стало имя среди близких "Зоря" ("Биография Георгия Ивановича Чулкова", написанная О.А. Молчаловой. ЦГАЛИ, ф. 273, оп.2,

Примечания к №№ 28-29

ед. хр. 4).

8. В сборнике "Сад поэтов", П., 1916 г. были опубликованы под псевдонимом Софья Бекетова стихи Анны Ивановны Ходасевич "Вечер" и "Сегодня небо и земля грязны. . .". В этой же книге напечатаны стихи В. Ходасевича "Авиатору", "Уединение", "Со слабых век сгоняя смутный сон. . ."

№ 29

1. "Тиняковская история" заключалась в следующем: в № 11 петроградского "Журнала журналов" за 1916 г. появился стихотворный фельетон за подпись "Б. Борисов" – "Литературные типы".

ИСТОРИЯ ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

Он в годы юности далекой
Был одинокий, одинокий.
Аскетом жил в уединеньи
И сочинял стихотворенья.
Потом в литературу вытек
И стал многообразный критик.
Сотрудничал везде и всюду,
Имея псевдонимов груду.
Был то Кульковский, то Чинаров,
То Белохлебов, то Матаров;
Писал в "Печи" об идеале,
А в "Немщине" о ритуале.
Здесь был за Бейлиса горюю,
Там Чеберячку звал сестрою.
Но "явным будет все, что тайна" –
Открылась истина случайно.
Пошли намеки, слухи, речи,
И критик вылетел из "Печи".
Пришлось и с "Немшиной" разстаться
И в безработные вписаться.
Теперь он снова одинокий,
О, род людской! О, род жестокий!

И слово "Одинокий" (псевдоним Александра Тинякова), и другие псевдонимы этого чрезвычайно "разностороннего" критика: Куликовский, Чернохлебов и Немакаров, под которыми скрываясь, он печатал статьи в газете "Земщина", указывали на Александра Тинякова.

И он не замедлил откликнуться. В № 13 того же журнала появилась "Исповедь антисемита" (письмо в редакцию) А. Тинякова. Он признавался, что работал в "Земщине", "Дне" и "Речи", но не одновременно, поэтому нельзя сказать, что он "работал на два фронта".

Всю вину за происшедшее он перекладывал на Б. Садовского. "Эти" намеки, слухи, речи" обо мне, т.е. о моем участии в "Земщине", – распространяил, как мне это доподлинно известно, г. Борис Садовской.

"/.../ В ноябре 1912 г. Борис Садовской пригласил меня принять участие в возникавших тогда "Северных записках", а меня порекомендовал издательнице, — и статья моя появилась в первом номере названного журнала за 1913 г. В сентябре же 1913 г. тот же самый г. Садовской, узнав о том, что я написал статью о деле Бейлиса, отнес ее к известному "правому деятелю, профессору N.", и уже с благословления последнего и с его поправками эта статья и была напечатана в "Земщине". Напечатав там статью, я, естественно, прекратил отношения с "Северными записками" — господин же Садовской не раз убеждал меня бывать в редакции "Северных записок", на что я отвечал отказом. Другими словами, г. Садовской увлекал меня на провокаторский путь, но увлечь не мог."

Далее А. Тиняков пишет, что, хотя он и печатался в 1913 г. в "Земщине", а в 1915 — в "Речи" — это свидетельствует всего лишь об его неустойчивости, и что коренные перевороты бывают у всех "мало мальски мыслящих людей". "Что же касается меня, то разница между этими газетами я вижу, а беды, действительно, не вижу и вместиться в существо не могу и не хочу ни в ту, ни в другую, ни в какую-либо третью газету". В конце письма А. Тиняков вызывал к справедливости, утверждая, что "поступал, быть может, и необдуманно, но искренне и, в сущности, честно, — и вот за необдуманность наказан... Господин же Садовской поступал гораздо более предосудительно, чем я, а теперь он же "обличает" меня и невольно заставляет клеветать других людей".

2. Гершензон Михаил Осипович (1869-1925) — критик, историк литературы, близкий друг В. Ходасевича. Начавшиеся в 1915 г., их дружба окрепла в трудные, голодные годы революции. "...если бы не Гершензон — плохо мне было бы в 1916-1918 гг., когда я тяжело хворал. Гершензон добывал для меня работу и деньги; Гершензон, а не кто другой, хлопотал по моим делам, когда я уехал в Крым, — вспоминал В. Ходасевич. — ... Его внимательность и чуткость были почти чудесны." Особенно В. Ходасевич ценил в нем прямоту и "чистоту правды": "Был он кипуч, порывист и любил правду всю, полностью, какова бы она ни была. Он говорил все, что думал, — прямо в глаза." ("Некрополь". Воспоминания. Париж, 1976). И в оценке "тиняковской истории", и в других затруднительных случаях В. Ходасевич неизменно привлекал М. О. Гершензона, обращаясь к нему как к критерию правдивости, совести.

3. Никольский Борис Владимирович (1870-1920) — юрист, профессор — читал лекции по римскому праву в Московском университете. С 1913 г. — профессор юридического факультета Юрьевского университета. Должен был занять ректорскую должность — из-за неуважения в профессорских кругах не назначили: крайний, открытый черносотенец, примыкал к группе Дубровина. Демонстративно устроил обед в честь представителей обвинения на процессе Бейлиса. Среди его корреспондентов — Победоносцев, Плеве, Пуришкевич, митрополит Антоний. Руководил занятиями великих князей — Гавриила и Олега Константиновича. Человек разносторонне образованный: поэт, историк литературы, переводчик. Известны его работы о Пушкине, Н. Страхове, К. Леонтьеве. Был собирателем рукописей Фета и подготовил в печать полное собрание сочинений А. А. Фета.

В. Ходасевич был прав в своих предположениях: Б. Садовской действительно познакомил А. Тинякова с Б. В. Никольским. В архиве Б. Садовского сохранилось письмо Никольского с одобрением тиняковской статьи и приглашением Тинякова: "Очень буду рад видеть у себя Тинякова. Захватите его как-нибудь с собой. М.б. вместе с ним подумаете о нашем разговоре касательно единения правых". (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 145).

Примечания к №№ 29-32

Копией этого письма А. Тиняков шантажировал Б. Садовского, грозя его обнародовать.

4. "Прошу уважаемую редакцию "Биржевых Ведомостей" не отказать мне в помещении следующего письма, – писал Борис Садовской, –

В № 13 "Журнала журналов" находится заметка г. А. Тинякова "Исповедь антисемита", в коей говорится, что я имел какое-то касательство к статье г. Тинякова, напечатанной в "Земщине" в 1913 г. По этому поводу считаю нужным заявить, что я никогда никакого отношения к "Земщине" не имею. Что касается "правого профессора" N, упомянутого в заметке, то я, действительно знаком с одним "правым" профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет. Борис Садовской".

5. Муни (наст. фамилия Киссин Самуил Викторович), (1885-1916) – поэт, близкий друг юности В. Ходасевича, застрелился 22 марта 1916 г. В. Ходасевич любил и помнил его всю жизнь. Муни посвящены многие ранние стихи В. Ходасевича, книга "Путем зерна", очерк "Муни" в "Некрополе". По комментариям, которые В. Ходасевич сделал на экземпляре стихов для Нины Берберовой, видно, что и после смерти друга, связь с ним не порвалась. Рядом со стихотворением "Ручей" поэт пишет: "Это – последние стихи, прочитанные мной Муни, дня за два до его отъезда из Москвы"; о стихотворении "Ищи меня": "Это – о Муни. Стихи - как бы к женщине"; "Лэди долго руки мыла" – "О смерти Муни".

№ 30

1. Борис Садовской "Ледоход. Статьи и заметки", Пг., 1916 г.

2. Рецензия Ю. Айхенвальда на сборник "Ледоход" напечатана в газете "Утро России", № 127 от 7 мая 1916 г. В этом же номере обзорная статья Вл. Ходасевича "О новых стихах" (Бальмонт, Георгий Иванов и др.).

3. Действительно, рядом со статьями о Лермонтове, Фете, Тургеневе и Каролине Павловой странно выглядит газетная (в худшем смысле) полемика с С. Ауслендером, неодобрительно отзавшившимся о книге Б. Садовского "Озимъ" в газете "День". Выдержки из этой статьи см. на стр. 88 (примечание 6 к № 21).

№ 32

1. Борис Садовской вспоминает в "Записках", что лечился иглоукалыванием у китайца Тинь-Лоу близ Донского монастыря.

2. Бобров Сергей Павлович (1889-1971) – поэт и теоретик литературы. С 1912 г. в группе московских поэтов "Лирика", затем входил в футуристическую группу "Центрифуга", возглавлял издательство "Центрифуга"; автор социально-утопических романов и научно-популярных книг по математике, выдержавших множество изданий. В 1915 г. С. Бобров писал о сборнике В. Ходасевича в статье "Русская поэзия в 1914 г." весьма задиристо: "...несмотря на всю свою экстраординарность, стихи г. Ходасевича оставляют впечатление приятное – конечно, пока нам еще не пришлось сдать все упражнения подобного рода в

исключительное пользование "Известий Туркестанской ученой архивной комиссии" ("Современник", 1915, № 1).

В. Ходасевич относился к нему с любопытством. О Боброве он спрашивает и в 1926 г., уже из Парижа, в письме к Анне Ивановне: "Не черкните ли мне: в Москве ли и что делает, где служит, где пишет Сергей Павлович Бобров? Но ему не говорите, что я им интересуюсь." (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 124).

№ 33

1. С Сергеем Яковлевичем Эфроном В. Ходасевич познакомился в Коктебеле, в доме Волошина, где он отдыхал летом 1916 г. Он пишет жене 7 июля 1916 г.: "... Сейчас выяснилось, что до Джанкоя (1/2 дороги) буду ехать с Сергеем Эфроном, мужем Марины Цветаевой. Он очаровательный мальчик (22 года ему). Поедет в Москву, а там воевать. Студент, призван. Жаль, что уезжает". В другом письме, от 20 июля, тоже есть упоминание об Эфроне: "Эфрон пишет, что ты так хорошо его приняла, что он опять к тебе собирается. Спасибо тебе за это: во-первых, он умный и хороший мальчик, а во-вторых, ты знаешь, кк я рад, когда тебя любят и хвалят". (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр.-).

2. Скорей всего речь идет о статье В. Ходасевича "О Гаврилиаде", опубликованной в 1917 г.

3. Ходасевич переводил "Воспоминания итальянского дворянина" Стендэля. Рукопись хранится в архиве М. и С. Сабашниковых. Перевод Ходасевича так и остался неопубликованным.

4. "Стремнини". Альманах. 1. Москва. 1917.

№ 34

1. Речь идет о сборнике стихов Бориса Садовского "Обитель смерти", М., изд-во автора, 1917.

Сквозная тема сборника может быть обозначена названием одного из стихотворений: "Цари и поэты". Для "политического" настроения автора характерно стихотворение "Конец", завершающее книгу Бориса Садовского. Строки из этого стихотворения процитированы в Послесловии.

Так как тираж сборника "Обитель смерти" всего 250 экземпляров, и он стал библиографической редкостью, приведу здесь стихотворение "Памятник", отмеченное В. Ходасевичем.

ПАМЯТИК

Мой скромный памятник не мрамор Бельведерский,
Не бронза вечная, не медные столпы:
Надменный юноша глядит с улыбкой дерзкой
На ликование толпы.

Пусть я не весь умру: за то никто на свете
Не остановится пред статуей моей
И поздних варваров гражданственные дети
Не отнесут ее в музей.

Слух скаредный о ней носился недалеко
И замер жалобно в тот самый день, когда
Трудолюбивый враг надвинулся с востока
Пасти мечом свои стада.

Но всюду и везде: на чердаке ль забытый
Или на городской бушующей тропе,
Не скроет идол мой улыбки ядовитой
И не поклонится толпе.

1917

Высоко оценил стихотворение и М. О. Гершензон. Получив от Б. Садовского книгу, он написал ему: "О, милый брат, какие звуки!" Я твержу себе на память Ваши стихи к сыну и Ваш "Памятник", не могу насытиться ими. Не узнаю Вас в них, так удивительно выросла в Вас душевная сила и мощь дарования." (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 42).

№ 35

1. Андрей Белый (наст. фамилия Бугаев Борис Николаевич) (1880-1934). Поэт, прозаик, теоретик литературы. С В. Ходасевичем его связывали многолетние и сложные отношения – от горячей дружбы до откровенной вражды. А. Белому принадлежит одна из лучших прижизненных статей о творчестве В. Ходасевича "Рембрандтова правда о поэзии наших дней" ("Записки мечтателей", 1921, кн. 5, Пг.). А в третьей книге мемуаров "Между двух революций" (1934) А. Белый создал злобный, карикатурный портрет В. Ходасевича. В. Ходасевич называл его воспоминания "фантастическими", относя их к разряду художественных произведений: ". . . все вышли похожи на себя, но еще более – на персонажей "Петербург" или "Москвы под ударом". Воспоминания В. Ходасевича об Андрее Белом ("Некрополь") отмечены "полнотой понимания". Правдивость и точность их оценила М. Цветаева, для которой с этих воспоминаний даже начались новые отношения с автором их. См. письмо ее В. Н. Буниной от 5. 2. 1934 (Марина Цветаева "Неизданные письма").

2. Речь идет о В. Я. Брюсове, который был принят в Коммунистическую партию в 1920 г., но служить революции стал с первого дня.

3. Младший брат В. Я. Брюсова – Александр в 1915 г. попал в плен и 1915-18 гг. провел в офицерском лагере. Он писал оттуда И. М. Брюсовой: "Вы спрашиваете, откуда я знаю пиренейские языки? Ответ прост. Сидя два с половиной года в плену, я все время занималась различными языками. . . Впрочем, теперь уже перешел от романских языков к германским и в данный момент читаю Ульфилевский перевод Евангелия на вест-готском и старательно упражняюсь в английском произношении. (2 января 1918)".

В эти годы он изучал электротехнику и археологию, которая потом стала его специальностью. Вернулся из Германии в 1918 году.

4. С. Абрамов – издатель журнала "Москва" (1918-1922). Всего вышло шесть номеров. В журнале печатались поэты: Александр Блок, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Михаил Кузмин, Константин Бальмонт, Осип Мандельштам, Николай Гумилев и др. Ходасевич опубликовал в журнале "Москва": "Стансы", "Газетчик", "Вариация", "Так бывает почему-то . . .", "Слепая сердца мудрость".

№ 36

1. Первой реакцией Б. Садовского на политические события было решение не печатать свои произведения. Только в 1922 г. отказался он от зарока. Г. П. Блок пишет ему 8. 2. 1922 г. "ваше решение печататься приветствую".

2. Строки из стихотворения Державина "Фелица":

И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

3. Званка – имение, принадлежавшее Дарье Алексеевне Дьяковой, второй жене Г. П. Державина. Поэт проводил там летние месяцы, там и скончался.

4. Перифраз строчки стихотворения Державина "Лебедь":

Но будто некая цевница
С небес раздамся в голосах...

5. Ужас В. Ходасевича перед пошлостью буржуазии, буржуазного склада жизни и мыслей сродни чувствам А. Блока, который писал жене в мае 1917 г.: "Как ты пишешь странно, ты не проснулась еще. Уезжая отсюда, ты мне писала об угрозах ленинцев. Неужели ты не понимаешь, что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость, которая еще гнездится во многих стенах." (Александр Блок. "Письма к жене". Изд-во "Наука", М., 1978).

"Старая пошлость" мучила Владислава Ходасевича и ненависть к ней со всей силой прорвалась в упоминании о Жанне Гренье, рекламе, обещающей населению России успех в деле выращивания "гармонических бюстов". Напечатанная в газете "Утро России" в 1912 г., она зашагала по страницам газет и журналов. Среди моря реклам, предлагающих "Уродонал Шателена" и Шустовский коньянк в стихах и прозе, эта была своего рода классикой, и ее стоит процитировать хотя бы частично, как образец "аршинной поэзии":

Каждая из вас, уважаемая читательница, может раз вить свой бюст,
у величить его или же из вялого сделать упругим и гармониче-
ским-развитым, благодаря моему новому способу, методу
ГРЕНЕ. Я счастлива, что имею возможность, без применения запре-
щенных внутренних средств, одним женщинам дать, а другим, независимо
от возраста, вернуть и восстановить упругость и красоту форм, отсутствие
или увядание которых приводят в уныние, разрушает планы и часто делает
женщину несчастной. Если природа не наделила Вас роскошными формами,
если Ваш бюст мал, опущен или вялый, обратитесь ко мне и Ваша мечта
сбудется. Мой способ настолько прост, что Вы можете пользоваться им
также, без посторонней помощи, так что Ваши знакомые и близкие, не
подозревая причины, уже через короткое время будут поражены пере-
меной, прошедшей в Вашей фигуре. Итак, пишите мне, как другу, и я
немедленно отвечу Вам в закрытом конверте...

Жанна Гренье
Москва, Петровка, д. "Якорь", кв. 49, отд. 267.

6. Розанов Василий Васильевич (1856-1919) – писатель. Т. В. Розанова, его дочь, приводит в воспоминаниях письма отца, которые он диктовал перед

Примечания к №№ 36-37

смертью: он прощается с литераторами, среди них назван "любимый Борис Садовской". В этом же письме благодарность Гершензону за заботу. Т. В. Розанова пишет, что друг отца по университету привозил деньги от Гершензона, деньги присыпали Мережковский и Горький. Думаю, что свидетельство В. Ходасевича беспристрастно.

7. Никольский Юрий Александрович (1893-1922) – поэт, литературовед. Его юношеские работы "Александр Блок о России" и "История одной дружбы. Фет и Полонский", напечатанные в "Русской мысли", обратили на себя внимание. В 1918 г. Ю. Никольский, недавно окончивший университет, обращается к Б. Садовскому как к исследователю Фета: он сам решил заниматься Фетом. Б. Садовской щедро делился с молодыми исследователями знаниями, материалами, а порой и рукописями. Это видно по его переписке с Г. П. Блоком, начавшейся с просьбы прислать книгу о Фете и переросшей в тесную дружбу.

№ 37

1. Хотя письмо написано Анной Ивановной Ходасевич, нам кажется уместным включить его в переписку: оно и написано в одно время с письмом В. Ходасевича и словно бы продолжает его.

2. Книжная Лавка писателей. В неопубликованной главе своих воспоминаний ("Книжная лавка") Ариадна Эфрон пишет:

" В 1918 году, вскоре после августовского постановления о ликвидации частных периодических изданий, возникла в Москве эта первая и единственная в своем роде, Лавка писателей – книготорговое предприятие на паях, которое, по замыслу его организаторов, В. Грифцова, А. Джиги-вилегова, П. Муратова, М. Осоргина, В. Ходасевича, Б. Зайцева, Н. Бердяева и др. должно было со временем преобразоваться в кооперативное издательство.

Вначале лавка занимала небольшое, сильно поврежденное пулями недавнего Октября, помещение бывшей библиотеки, в дому № 16 по Леонтьевскому переулку (унаследовав от своей предшественницы книги и стеллажи), – а к началу 1921 года перевелась на Большую Никитскую в дом № 24.

Из лиц, не имевших отношения к литературе, там работал, кажется, только курьер, со всем остальным писатели справлялись сами: вели торговлю на комиссионных началах и за наличный расчет; разыскивали книги, утратившие хозяев – и продавали их новым; отбирали наиболее редкие издания для передачи их Румянцевскому музею, чья библиотека легла в основу Ленинской; корпели над отчетностью; были лекторами и докладчиками в созданном ими при Лавке "Студио Итальяно"; а также сортировщиками, грузчиками, оценщиками, и кем только НЕ!

Помимо печатного слова в Лавке можно было приобрести и рукописное: автографы писателей и поэтов – самодельные книжки из разномастной – от веленевой до оберточной – бумаги, иногда иллюстрированные и переплетенные авторами..."

Примечания к №№ 38-41 и послесловию

№ 38

1. Владислав Ходасевич "Путем зерна. Третья книга стихов". Изд. "Творчество", М., 1920.

№ 39

1. Всероссийский профессиональный союз писателей создан в 1919 г. В. Ходасевич в "Некрополе" вспоминает, что М. О. Гершензону "первому пришла идея Союза Писателей, который так тогда облегчил нашу жизнь и без которого, думаю, многие писатели просто пропали бы. Он был самым деятельным из организаторов Союза и первым его председателем".

2. В. Ходасевич в 1919-1920 гг. жил очень тяжело. Он пишет только о болезни, не жалуясь на бытовые трудности. Но вот в письмах его коктебельской приятельницы, художницы Юлии Оболенской к подруге, тоже художнице, Магде Нахман мы читаем: "Вчера был у меня Владислав, похудел еще больше. Их подвал окончательно залило водой. . . / . . / Несмотря на нашу грязь, копоть и сырость, приводящие маму в исступление, Владислав, сидя у нас, говорил: "Хорошо у вас, товарищи, тепло, чисто, картины на стенах. . ." (9. 3. 1920)

В другом письме от 18. 9. 1920 Юлия Оболенская пишет: "Владислава забирают на военную службу. Можешь ты понять это? Ведь его вообще надо положить в лазарет — сейчас он, кстати, и не дома, в санатории, но в городе без воздуха. Нарывы все не прекращаются. Я, признаюсь, весной боялась за его жизнь, а теперь находят годным в строй. Или им все равно? А я удивляюсь, как он ноги передвигает." Состояние В. Ходасевича было настолько тяжелым, что к службе его признали негодным.

№ 41

1. По характеру юмора, интонации можно предположить, что стихотворение написано в раннюю пору знакомства В. Ходасевича и Б. Садовского. "Греком" называлось кафе, очень популярное среди художественной, артистической молодежи: хозяин кафе был греком. Оно находилось на Тверском бульваре, напротив нынешнего здания театра им. Пушкина. Летом столики из деревянного восьмигранного павильона, в котором располагалось кафе, выносили на бульвар. А около кафе размещалась деревянная эстрада в виде раковины, и играл военный оркестр — вот почему стихотворение написано на обороте программы. (См. В. М. Лобанов "Капуны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы". М., "Советский художник", 1968).

Примечания к послесловию

1. Андрей Белый "Воспоминания об Александре Александровиче Блоке": "Осенью 1904 года я поступаю вновь в московской университет на филологический факультет (естественный я кончил в 1903 г.), оказываюсь на одном курсе с С. М. Соловьевым, будущим поэтом В. Ф. Ходасевичем, Б. А. Садовским..." ("Записки мечтателей", 1922, № 6, Петербург, "Алконост").

Примечания к послесловию

2. Андрей Белый, "Начало века. Воспоминания", М-Л., ГИХЛ, 1933.
3. ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 82.
4. Ш. Левин сделал свою публикацию в 1923 г. ("Былое", 1923, № 21). Современные исследователи В. И. Беззубов и С. Г. Исаков называют годом смерти Б. В. Никольского 1920 и не упоминают о расстреле ("Блоковский сборник", Тарту, 1972).
5. Максимилиан Волошин, "Пути России", "Эхо", 1969.
6. Письма Максима Горького к В. Ф. Ходасевичу. "Новый журнал", Нью-Йорк, 1953, № 30.
7. ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391.
8. Н. Берберова, "Курис мой". Автобиография. Мюнхен, 1972.
9. В. Пяст, "Встречи", М., "Федерация", 1929.
10. Ю. А. Сидиров умер от дифтерита. В 1912-14 гг. проводил ночи в "Собаке".
11. Юрий Сидоров, "Стихотворения", "Альциона", М., 1910.
12. "Последние новости", 1923, № 33, 6 августа, Петроград.
13. А. И. Тиняков. Автобиография. Из собр. Е. Ф. Никитиной. ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 1, ед. хр. 289.
14. ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 428.
15. Б. Садовской, "Встречи", "Звезда", 1968, № 3.
16. Жизнь Б. Садовского в Новодевичьем породила множество смутных легенд, а между тем в бывших кельях монастыря обитали обычные люди. По рассказу Анастасии Ивановны Цветаевой, комната Б. Садовского некогда была склепом и оттуда, прежде чем вселить людей, вынесли 22 гроба. Возможно, и этот рассказ относится к области легенд: А. И. Цветаева последний раз видела Б. Садовского в 1927 году (приблизительно), когда он не получил еще комнату в Новодевичьем монастыре, а жил то в Нижнем, то в Подмосковье.
17. А. Измайлов, "Из записных книжек критика", "Русское слово", 1911, 30 октября, № 250.
18. ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 37.
19. Борис Соловьев "Вехи" или катехизис предательства", "Октябрь", 1969, № 12.
20. "Пушкин. Достоевский", Петербург, Изд. Дома Литераторов, 1921.

Переписка двух поэтов и литературных критиков Владислава Ходасевича и Бориса Садовского длилась больше десяти лет. Многое их объединяло. Взаимопомощь в нелегких поисках литературного заработка, пристальный интерес к поэзии 18-го и 19-го века, ненависть к футуристам, относившимся к традициям русской культуры без достаточного уважения. "В некотором смысле у нас с вами общая родина: "Отечество нам — Царское село," — пишет Ходасевич Садовскому уже на закате их приятельских отношений.

Но восприятие этой "общей родины" было у поэтов различным. Если для Ходасевича единственным важным был "пушкинский дух", преемственность развития русской культуры, то отечество Садовского охватывало конкретные исторические и бытовые традиции старины: тульский самовар на столе в помещичьей усадьбе, священные скрижали православия и самодержавия, идеализацию взаимоотношений барина и крепостного крестьянина, подозрительность к инородцам.

Это глубокое различие в толковании истоков русской культуры постепенно отдалили друг от друга поэтов. И не только их. Эта трещина разрывает русскую литературу и сегодня. И возможно поэтому письма Владислава Ходасевича читаются не только как интересные документы истории литературы, но и как живое свидетельство нашего современника.